

Ирландия Каноническая
(по /мнѣнію/ писателя Г. М. Дроздова).

Самар. Изд-во 1924

I

τίς δ' οἶδεν, εἰ τὸ ζῆν ἢ εἰς θάνατον,
τὸ θάνατον δὲ ζῆν; ἔρριπ' ἔρριπ'.

51; 8; I-1(81-90)

Кто знает - может жизнь есть смерть, а
смерть есть жизнь - говорит Эврипид. И Платон,
в одном из своих диалогов представляет самого
Сократа, мудрейшего из людей и как раз того,
кто создал теорию о понятиях и вглядывал в отсто-
пчивости и лжести наших суждений основной призна-
тельностью или, повторить эти слова. И вообще у Пла-
тона Сократ почти каждый раз, когда заходит
речь о смерти поворачивает то-же или почти то-же,
что Эврипид: никто не знает, есть ли смерть
жизни или есть ли жизнь смерти. Мудрейшие
из людей еще с древних времен живут в та-
ком загадочном
и безумном незнании. Только посредством или-
ди твердо знают, что такое жизнь, что та-
кое смерть. Как случилось, как могло случиться,
что мудрейшие терзаются так, что обжигаются
люди не видя никаких трудностей? И почему
трудности - труднейшие, безумнейшие трудности
выпадают на долю самых одаренных людей?
Что может быть ужаснее, чем не знать, живи-
ли или мертвы! И, дайте мне, справедливость требо-
вала бы, что такое знание или незнание было
уделом равным всем людям и каждому?

294

217x284

I - 1
II 5
III 8
IV 10
V 13
VI 14
VII 16

VIII 20
IX 24
X 31
XI 35
XII 42

40' de 5 X IX

За это справедливости! Сама
природа этого требует!

Кажется совершенно бесспорным, что одни лю-
ди были даны, а другим не было дано отжи-
вать жизнь от смерти. Ибо отжидающие и не
отжидающие были бы уже совершенно различными
существами, которых мы бы вравне были бы отжи-
дать в одном и том же „человеке“. Оно, ну бы
познать, так и сиб. Кто твердо знает, что
такое жизнь, что такое смерть? Кто человек.
Кто это не знает, кто хоть на минуту те-
рится из виду черты, отграничивающей жизнь от
смерти, тот уже перестает быть человеком и
превращается... во что он превращается? Божь тот
дуги, которому суждено разгадать эту великую
тайну, эту загадку из загадок?...

Надо еще прибавить:

~~Человек только одно~~ : „по природе“ все люди умирут
отличать жизнь от смерти и отжидают долго, бе-
спомощно. Нечеткое приходит — не только, кто на это
обречен — только с возрастом и, если не все обманва-
ет, все же вдруг, внезапно, незаметно откуда. И

Потому вот еще: это „неумение“ не всегда приходя-
щему, кому оно дано. И Еврейство, и Сократ и все
остальное, на кого было возложено ^{священное} бремя познания
и знаний, обучено превосходно, советом, как все прочие
люди знали и знают, что такое жизнь и что та-
кое смерть. Но в роковой минуту прозрения они губят
сами, что им обобщенное знание, то знание, которое им
рождено и получено с остальными так же похотением
на этих существах и таким образом связывало

У Наоборот, оно увеличивает тайны
иногда, на короткое мгновение,
и так же внезапно и неожиданно
исчезает, как и появлялся

дальше, не разрешаясь все из за одного или нескольких
дней или на чем-то не основанном изречении поэта
и философов, или закона общему духовному развитию
человечества и даже основным принципам нашего мышления. Может
и другое изображение представлять. Может быть на-
помнить, что в одной древней книге сказано: кто
хочет знать, что было и что будет, что под
землей и что над небом, тому лучше да сойдет
и родится на свет. Но и напоследок, что в
той же книге еще рассказано, что ангел смерти,
приходящий к человеку, чтобы разлучить его душу
с телом, все сложил покрывало огня и пламени.
Потому так, дадим эту столько раз, ему, кото-
рану на земле и разлагающуюся? И вот я
думаю, что эти глаза у него не для себя. Быва-
ет так, что ангел смерти, явившись к душе,
убеждает, что человеку еще не пришло время
покинуть землю. И тогда душа не трогается со
души, но прежде, чтобы убраться, устанавливает
человеку один из бесчисленных глаз своих.
И тогда человек внезапно начинает видеть,
кроме того, что видит все и что все сам ви-
дел прежде, еще что то новое. И вот это от-
новое по новому, ^{как бы душа ангела, в нем существующая} т.е. так что оно одновременно
есть и то, что еще не так, что оно является, когда
исчезает и что исчезает, когда является. И, главное,
прежние, обаятельные, как у всех человеческие глаза
существовавшие в том, но было и прямо про-

еще не показывается человеку

ти в упорное молчание, углубившись, вставившее анте-
 чиную смерть лица. А так как в эти отчаянные мо-
 менты воспримчив и даже сам разум наш согласен
 со обобщенным зрением и все, как личный, так и
 коллективный опыт и любовь тогда согласован
 со обобщенным зрением, то тогда выходящий изнутри
 неслыханный, неслыханный, фантастический, даже непо-
 ристый ^{призрачный} бред и фантастический расстройство вооб-
 ражений. Еще один, самый небольшой шаг вперед
 и против безумия, не то поэтическое, вдохновенное
 безумие, в котором трагичность даже в убогом
 по эстетике и которое под ии стает тоска, мания
 и экстаза уже описано и оправдано всеми пучками
 и тень пучка, а то безумие за которое сажают
 в ^{темный} сумасшедший дом. И вот тогда начинается
 борьба между двумя выходящими, любовными и
 антилюбовными — борьба, исход которой так же, конечно,
 проблематичен и неопределен, как и в начале.

II

Одумавшись из таких людей, обладавших двойным
 зрением и бредом, без коллективизма Достоевский. Когда
 сестры не имеют ангела смерти? Естественные вы
 предположить, что это произошло тогда, когда
 вместе с товарищами ввели на Островах
 и пролили ему смертельный приговор. Но то не есть,
 что ^и естественные предположения могут советовать не —
 думать. Мы попали в область неестественного,
 этого фантастического разделения и, если хотим

хотѣ что нибудь разобратъ. Тутъ, налицо при себѣ
всѣмъ нужно отназывать отъ тѣхъ методоло-
гическихъ приемовъ, которыхъ намъ до сихъ поръ
было такъ прочно обещивали достовѣрность ка-
кимъ нѣтъ и нашего познания. Больше того,
Нужауи отъ насъ потребуетъ и большаго
терпѣна: то то обстоитъ признать, что достовѣр-
ность вовсе не есть предикатъ истины или
лучше сказать, что достовѣрность съ истинно-
стью вообще не имѣетъ. Въ этомъ еще при-
дется говорить дальше — но уже нѣтъ приведе-
на въ началѣ изреченій Эврипида но мыслить
удобнѣе, что истина сама по себѣ, а достовѣр-
ность — сама по себѣ. Ибо, если Эврипидъ и
правъ и можно было бы знать, что смерть не
есть жизнь и не жизнь не есть смерть, то равнѣ
этой, истинѣ ^и суждено быть истинною когда ни-
будь достовѣрною? Пустьъ все до одного люди
повторяютъ, лжась спать и вставая, слова
Эврипида — они останутся такими же лжароки-
ми и пролетѣтѣискими, какими они были для
него самого въ тотъ мигъ, когда онъ впервые ус-
ищавъ имъ въ сокровенной глубинѣ души своей.
Онъ призналъ имъ — потому что они имѣли то по-
няли его. Онъ высказалъ имъ, хотя и зналъ, что ник-
то не поверитъ имъ, ^{даже если} ~~они~~ и все угадаютъ.
Но сдѣлавъ имъ достовѣрными онъ не могъ и,
позволяю себѣ думать, пожалуй и не захотѣлъ

бы. Можете быть, вы пытались посты и при-
нужденная сила таких истин в толпу, что они
свободна от гостеприимства.

4
что они подарили нам надежду
перейти к предельно достоянию

Итак не в тот момент, когда Достоевский стоял на эстраде и
ждал исполнения приговора слетел с него
страх и ужас. И даже не тогда, когда они

жили в „мертвом доме“ с обреченными и об-
реченными людьми. Об этом свидетельству-
ет „Записки из мертвого дома“, одно из луч-

ших произведений Достоевского, удостоенное
даже похвалы самого Толстого, так безжалостно

осуждающая всю мировую литературу. Автор „Запи-

сок из мертвого дома“ все еще полон надежд.

Ему, ^{поэтому} трудно, неслазненно трудно. Он не раз гово-
рит — и ему нельзя и пов-рять, что каторжная
тюрьма, в которую попали несколько сотен арестан-
тов, сильных, здоровых, да еще каторжники, со-
бравшие из косяк и (неблагоприятных) полных латентной
ненависти и вражды людей, была настоящим адом.

Но за стенами этой тюрьмы, всегда вспоминает
он, была иная жизнь. Край небес, видный даже из
за высокой ^{островной} ограды, общался в будущем и не та-
ким отдаленным, было. Придет время — и тюрьма,
и всемирная жизнь, и всеобщее ^{звукое начало} братство
и чужие чужие, тоска, страдания, радость,
отрабатывания паче и больше — все кончится, все про-
дет и начнется новое, высокое, благородное существо-
вание. „Но не всегда так и зреть поистине каторга —

етъ онъ себѣ. Скоро, скоро и буду, тамъ! А тамъ-
 все събѣсно проситъ измученная, истосковавшаяся
 душа. ["]Здѣсь только сонъ, тѣмный сонъ, кош-
 маръ. А ["]тамъ - великое, счастливое пробужденіе.
 Раскройте тюремныя двери, снимите кандалы,
 прогоните коловой палъ - вообще ничѣмъ не пугаю
 мия. Все Витольфово я найду въ томъ болѣе
 прекрасномъ мірѣ, который и я прежде, правда,
 въ дѣлѣ, но котораго я не умѣлъ ^{использовать} ~~ценить~~. Моло-
 ду и искренну, въ дѣловыхъ страницѣхъ написанъ
 на эту тему Достоевскій! Какъ тѣсно ядаль
 онъ того дня, когда ^{воплотятъ ея мечтанія} ~~онъ мечтаний~~ можно бу-

III. 259: „Какими надеждами жаж-
лось тогда мое сердце! Идушая, и ра-
инить, и кланяться сему, что уже не будетъ
въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ,
ни тѣхъ надеждъ, которыя были прежде.
Я начертала себѣ прозрѣнныя всего будущаго
и положила твердо аяцковать сѣ. Во мнѣ
вродилось аяцъ паче бѣды, что я все это
исполню и пою исполню. Я ждала,
я звалъ поскорѣе свою свободу; и похотѣла
испробовать себя вновь на новой бѣдѣ.
Норой жалованья моего аяцъ
нѣтъ, ... События не доушло то-е
случится, если вы попадете а похотѣ
в аяцъ и аяцъ и аяцъ

и жизни нека имена и фамилии арестантов. Достоевский, очевидно, тогда всей душой вверился, и тогда, что происходило перед его глазами — хоть оно было ужасно и отбратительно — все же есть действительность и при том существенно возмозможность действительности. Были арестанты, а также и те, которые были, страстные, безудачные, безобразные, красивые и т. д. Были смотрители, тюремщики, майоры, бабы, подававшие милостыню, врачи, мовбойка и т. д. Самые разнородные люди — но действительные, настоящие, реальные люди. И жизнь их — тоже реальная жизнь. Правда, дьявольская, жуткая, естественная и трудная. Но ведь это все не была жизнь, как и не все небо было в то же время — были клочки, которые видны были поверх тюрм — были стеньги. Настоящая, уже полная, содержательная богатая жизнь — там же где парь человеческих из клозетов, и французской купальни, там же где почти стеньга, там же, где бесконечный простор и ничья не ограничена свобода — в России, в Москве, в Петербурге, среди книг, уличных, дорогих, галитонных и чужих людей, в жизни и убогих колма — там и не проторь безоружных, но проторь свлечей жизни или блуждающей падежной полноты

IV V

Котора кончилась, кончилась и сподобившаяся
на второй весной слуге, Достоевский в Твери, и
тоже в Петербурге. Все, что он тогда пришло

Надъ нимъ уже не краснела голубая иба - а все
небо. Онъ вольный свободный человекъ, такой, какъ и
все тѣ люди, судьба которыхъ онъ такъ завидовалъ,
когда носилъ свои кандалы. Теперь осталось только
исполнить торжественно, добровольно наложенныя
на себя во время пребыванія въ тюрьмѣ, и крестно
поначать, Достоевскій не такъ скоро могъ забыть о
своихъ вѣдѣлахъ и утѣлахъ не одну отчаянную попытку
устроить свою жизнь согласно тѣмъ идеаламъ, кото-
рые онъ вырабатывалъ въ тюрьмѣ когда пребывалъ въ ка-
мерѣ. Но, побѣдителемъ, чѣмъ болѣе онъ старался,
тѣмъ больше у него выходило ~~тѣмъ~~ ^{Взрываетъ}. И тогда
онъ ставилъ замѣчатъ, что „свободная“ жизнь сто-
итъ вся болѣе и болѣе похожая на каторжничанье
и что все небо, которое казалось ему, пока онъ
жилъ въ заключеніи, ^{стало} такимъ безграничнымъ и
^{стало} такъ много въ своей безграничности сузилось и
такъ все тѣснитъ и давитъ, какъ и нѣкіе поро-
ки его остроумной ^{Даже} камерѣ. И идеалы - тѣ идеалы,
которые онъ разрушительно творилъ свою личную,
тоскующую и каторжную душу въ дни, когда онъ
былъ совершенно изломанъ и злодѣемъ, жилъ среди изго-
ленныхъ убитыхъ каторжныхъ людей, среди изгнан-
ныхъ и вѣнчаныхъ, не освобождающихъ, а сковывающихъ и при-
нуждающихъ, какъ ^{арестантскіе} ~~и тѣ~~ кандалы. Небо тѣснитъ, иде-
алы сковываютъ и вся человеческая жизнь, весь миръ
обитательскій чертоваго дома превращается въ тѣмноту -
и тѣмноту, и тѣмноту, въ одну непрерывную каторгу.

[illegible]

жизни — смерти, а то, что она считает смерть —
жизнью.

И вот, Достоевский, вручая „увиденью“, что-то и каторжко-
стыка, идеал и нигилизм вовсе не противоположны, как
полагали, когда думали, что прежде, когда он полагал
идеализм, как все нормальное и прочее. Не противоположные,

а ординарные. И вот, неба, никуда некуда, есть только
„горизонт“, и вот, идеализм, выходящий из него, есть только
идеи, и вот, и невидимые, проявляющиеся еще более ясно
тем, что они не существуют. Это новое „видение“ и составляет

от основания жизни „записки из жизни“ одного из са-
мых глубоких произведений не только русской, но и миро-
вой литературы.

Как известно, в этой „записке“
идеи „увиденья“ ^{и доселе еще видны} „только“, обличение. „Вот, это та-
кое жалкое, несчастное, обидное ^{и погубленное} „идеи“, которое

великолепие озлобленности доходит до отрицания ^{идеи} и отрицания ^{идеи} самого Достоевского (способствовало этому
рода и толкования).

И, пожалуй, это было правдой, Истина, ^{дана правдой и истинно} ²⁾ ¹⁾ ³⁾ ⁴⁾ ⁵⁾ ⁶⁾ ⁷⁾ ⁸⁾ ⁹⁾ ¹⁰⁾ ¹¹⁾ ¹²⁾ ¹³⁾ ¹⁴⁾ ¹⁵⁾ ¹⁶⁾ ¹⁷⁾ ¹⁸⁾ ¹⁹⁾ ²⁰⁾ ²¹⁾ ²²⁾ ²³⁾ ²⁴⁾ ²⁵⁾ ²⁶⁾ ²⁷⁾ ²⁸⁾ ²⁹⁾ ³⁰⁾ ³¹⁾ ³²⁾ ³³⁾ ³⁴⁾ ³⁵⁾ ³⁶⁾ ³⁷⁾ ³⁸⁾ ³⁹⁾ ⁴⁰⁾ ⁴¹⁾ ⁴²⁾ ⁴³⁾ ⁴⁴⁾ ⁴⁵⁾ ⁴⁶⁾ ⁴⁷⁾ ⁴⁸⁾ ⁴⁹⁾ ⁵⁰⁾ ⁵¹⁾ ⁵²⁾ ⁵³⁾ ⁵⁴⁾ ⁵⁵⁾ ⁵⁶⁾ ⁵⁷⁾ ⁵⁸⁾ ⁵⁹⁾ ⁶⁰⁾ ⁶¹⁾ ⁶²⁾ ⁶³⁾ ⁶⁴⁾ ⁶⁵⁾ ⁶⁶⁾ ⁶⁷⁾ ⁶⁸⁾ ⁶⁹⁾ ⁷⁰⁾ ⁷¹⁾ ⁷²⁾ ⁷³⁾ ⁷⁴⁾ ⁷⁵⁾ ⁷⁶⁾ ⁷⁷⁾ ⁷⁸⁾ ⁷⁹⁾ ⁸⁰⁾ ⁸¹⁾ ⁸²⁾ ⁸³⁾ ⁸⁴⁾ ⁸⁵⁾ ⁸⁶⁾ ⁸⁷⁾ ⁸⁸⁾ ⁸⁹⁾ ⁹⁰⁾ ⁹¹⁾ ⁹²⁾ ⁹³⁾ ⁹⁴⁾ ⁹⁵⁾ ⁹⁶⁾ ⁹⁷⁾ ⁹⁸⁾ ⁹⁹⁾ ¹⁰⁰⁾ ¹⁰¹⁾ ¹⁰²⁾ ¹⁰³⁾ ¹⁰⁴⁾ ¹⁰⁵⁾ ¹⁰⁶⁾ ¹⁰⁷⁾ ¹⁰⁸⁾ ¹⁰⁹⁾ ¹¹⁰⁾ ¹¹¹⁾ ¹¹²⁾ ¹¹³⁾ ¹¹⁴⁾ ¹¹⁵⁾ ¹¹⁶⁾ ¹¹⁷⁾ ¹¹⁸⁾ ¹¹⁹⁾ ¹²⁰⁾ ¹²¹⁾ ¹²²⁾ ¹²³⁾ ¹²⁴⁾ ¹²⁵⁾ ¹²⁶⁾ ¹²⁷⁾ ¹²⁸⁾ ¹²⁹⁾ ¹³⁰⁾ ¹³¹⁾ ¹³²⁾ ¹³³⁾ ¹³⁴⁾ ¹³⁵⁾ ¹³⁶⁾ ¹³⁷⁾ ¹³⁸⁾ ¹³⁹⁾ ¹⁴⁰⁾ ¹⁴¹⁾ ¹⁴²⁾ ¹⁴³⁾ ¹⁴⁴⁾ ¹⁴⁵⁾ ¹⁴⁶⁾ ¹⁴⁷⁾ ¹⁴⁸⁾ ¹⁴⁹⁾ ¹⁵⁰⁾ ¹⁵¹⁾ ¹⁵²⁾ ¹⁵³⁾ ¹⁵⁴⁾ ¹⁵⁵⁾ ¹⁵⁶⁾ ¹⁵⁷⁾ ¹⁵⁸⁾ ¹⁵⁹⁾ ¹⁶⁰⁾ ¹⁶¹⁾ ¹⁶²⁾ ¹⁶³⁾ ¹⁶⁴⁾ ¹⁶⁵⁾ ¹⁶⁶⁾ ¹⁶⁷⁾ ¹⁶⁸⁾ ¹⁶⁹⁾ ¹⁷⁰⁾ ¹⁷¹⁾ ¹⁷²⁾ ¹⁷³⁾ ¹⁷⁴⁾ ¹⁷⁵⁾ ¹⁷⁶⁾ ¹⁷⁷⁾ ¹⁷⁸⁾ ¹⁷⁹⁾ ¹⁸⁰⁾ ¹⁸¹⁾ ¹⁸²⁾ ¹⁸³⁾ ¹⁸⁴⁾ ¹⁸⁵⁾ ¹⁸⁶⁾ ¹⁸⁷⁾ ¹⁸⁸⁾ ¹⁸⁹⁾ ¹⁹⁰⁾ ¹⁹¹⁾ ¹⁹²⁾ ¹⁹³⁾ ¹⁹⁴⁾ ¹⁹⁵⁾ ¹⁹⁶⁾ ¹⁹⁷⁾ ¹⁹⁸⁾ ¹⁹⁹⁾ ²⁰⁰⁾ ²⁰¹⁾ ²⁰²⁾ ²⁰³⁾ ²⁰⁴⁾ ²⁰⁵⁾ ²⁰⁶⁾ ²⁰⁷⁾ ²⁰⁸⁾ ²⁰⁹⁾ ²¹⁰⁾ ²¹¹⁾ ²¹²⁾ ²¹³⁾ ²¹⁴⁾ ²¹⁵⁾ ²¹⁶⁾ ²¹⁷⁾ ²¹⁸⁾ ²¹⁹⁾ ²²⁰⁾ ²²¹⁾ ²²²⁾ ²²³⁾ ²²⁴⁾ ²²⁵⁾ ²²⁶⁾ ²²⁷⁾ ²²⁸⁾ ²²⁹⁾ ²³⁰⁾ ²³¹⁾ ²³²⁾ ²³³⁾ ²³⁴⁾ ²³⁵⁾ ²³⁶⁾ ²³⁷⁾ ²³⁸⁾ ²³⁹⁾ ²⁴⁰⁾ ²⁴¹⁾ ²⁴²⁾ ²⁴³⁾ ²⁴⁴⁾ ²⁴⁵⁾ ²⁴⁶⁾ ²⁴⁷⁾ ²⁴⁸⁾ ²⁴⁹⁾ ²⁵⁰⁾ ²⁵¹⁾ ²⁵²⁾ ²⁵³⁾ ²⁵⁴⁾ ²⁵⁵⁾ ²⁵⁶⁾ ²⁵⁷⁾ ²⁵⁸⁾ ²⁵⁹⁾ ²⁶⁰⁾ ²⁶¹⁾ ²⁶²⁾ ²⁶³⁾ ²⁶⁴⁾ ²⁶⁵⁾ ²⁶⁶⁾ ²⁶⁷⁾ ²⁶⁸⁾ ²⁶⁹⁾ ²⁷⁰⁾ ²⁷¹⁾ ²⁷²⁾ ²⁷³⁾ ²⁷⁴⁾ ²⁷⁵⁾ ²⁷⁶⁾ ²⁷⁷⁾ ²⁷⁸⁾ ²⁷⁹⁾ ²⁸⁰⁾ ²⁸¹⁾ ²⁸²⁾ ²⁸³⁾ ²⁸⁴⁾ ²⁸⁵⁾ ²⁸⁶⁾ ²⁸⁷⁾ ²⁸⁸⁾ ²⁸⁹⁾ ²⁹⁰⁾ ²⁹¹⁾ ²⁹²⁾ ²⁹³⁾ ²⁹⁴⁾ ²⁹⁵⁾ ²⁹⁶⁾ ²⁹⁷⁾ ²⁹⁸⁾ ²⁹⁹⁾ ³⁰⁰⁾ ³⁰¹⁾ ³⁰²⁾ ³⁰³⁾ ³⁰⁴⁾ ³⁰⁵⁾ ³⁰⁶⁾ ³⁰⁷⁾ ³⁰⁸⁾ ³⁰⁹⁾ ³¹⁰⁾ ³¹¹⁾ ³¹²⁾ ³¹³⁾ ³¹⁴⁾ ³¹⁵⁾ ³¹⁶⁾ ³¹⁷⁾ ³¹⁸⁾ ³¹⁹⁾ ³²⁰⁾ ³²¹⁾ ³²²⁾ ³²³⁾ ³²⁴⁾ ³²⁵⁾ ³²⁶⁾ ³²⁷⁾ ³²⁸⁾ ³²⁹⁾ ³³⁰⁾ ³³¹⁾ ³³²⁾ ³³³⁾ ³³⁴⁾ ³³⁵⁾ ³³⁶⁾ ³³⁷⁾ ³³⁸⁾ ³³⁹⁾ ³⁴⁰⁾ ³⁴¹⁾ ³⁴²⁾ ³⁴³⁾ ³⁴⁴⁾ ³⁴⁵⁾ ³⁴⁶⁾ ³⁴⁷⁾ ³⁴⁸⁾ ³⁴⁹⁾ ³⁵⁰⁾ ³⁵¹⁾ ³⁵²⁾ ³⁵³⁾ ³⁵⁴⁾ ³⁵⁵⁾ ³⁵⁶⁾ ³⁵⁷⁾ ³⁵⁸⁾ ³⁵⁹⁾ ³⁶⁰⁾ ³⁶¹⁾ ³⁶²⁾ ³⁶³⁾ ³⁶⁴⁾ ³⁶⁵⁾ ³⁶⁶⁾ ³⁶⁷⁾ ³⁶⁸⁾ ³⁶⁹⁾ ³⁷⁰⁾ ³⁷¹⁾ ³⁷²⁾ ³⁷³⁾ ³⁷⁴⁾ ³⁷⁵⁾ ³⁷⁶⁾ ³⁷⁷⁾ ³⁷⁸⁾ ³⁷⁹⁾ ³⁸⁰⁾ ³⁸¹⁾ ³⁸²⁾ ³⁸³⁾ ³⁸⁴⁾ ³⁸⁵⁾ ³⁸⁶⁾ ³⁸⁷⁾ ³⁸⁸⁾ ³⁸⁹⁾ ³⁹⁰⁾ ³⁹¹⁾ ³⁹²⁾ ³⁹³⁾ ³⁹⁴⁾ ³⁹⁵⁾ ³⁹⁶⁾ ³⁹⁷⁾ ³⁹⁸⁾ ³⁹⁹⁾ ⁴⁰⁰⁾ ⁴⁰¹⁾ ⁴⁰²⁾ ⁴⁰³⁾ ⁴⁰⁴⁾ ⁴⁰⁵⁾ ⁴⁰⁶⁾ ⁴⁰⁷⁾ ⁴⁰⁸⁾ ⁴⁰⁹⁾ ⁴¹⁰⁾ ⁴¹¹⁾ ⁴¹²⁾ ⁴¹³⁾ ⁴¹⁴⁾ ⁴¹⁵⁾ ⁴¹⁶⁾ ⁴¹⁷⁾ ⁴¹⁸⁾ ⁴¹⁹⁾ ⁴²⁰⁾ ⁴²¹⁾ ⁴²²⁾ ⁴²³⁾ ⁴²⁴⁾ ⁴²⁵⁾ ⁴²⁶⁾ ⁴²⁷⁾ ⁴²⁸⁾ ⁴²⁹⁾ ⁴³⁰⁾ ⁴³¹⁾ ⁴³²⁾ ⁴³³⁾ ⁴³⁴⁾ ⁴³⁵⁾ ⁴³⁶⁾ ⁴³⁷⁾ ⁴³⁸⁾ ⁴³⁹⁾ ⁴⁴⁰⁾ ⁴⁴¹⁾ ⁴⁴²⁾ ⁴⁴³⁾ ⁴⁴⁴⁾ ⁴⁴⁵⁾ ⁴⁴⁶⁾ ⁴⁴⁷⁾ ⁴⁴⁸⁾ ⁴⁴⁹⁾ ⁴⁵⁰⁾ ⁴⁵¹⁾ ⁴⁵²⁾ ⁴⁵³⁾ ⁴⁵⁴⁾ ⁴⁵⁵⁾ ⁴⁵⁶⁾ ⁴⁵⁷⁾ ⁴⁵⁸⁾ ⁴⁵⁹⁾ ⁴⁶⁰⁾ ⁴⁶¹⁾ ⁴⁶²⁾ ⁴⁶³⁾ ⁴⁶⁴⁾ ⁴⁶⁵⁾ ⁴⁶⁶⁾ ⁴⁶⁷⁾ ⁴⁶⁸⁾ ⁴⁶⁹⁾ ⁴⁷⁰⁾ ⁴⁷¹⁾ ⁴⁷²⁾ ⁴⁷³⁾ ⁴⁷⁴⁾ ⁴⁷⁵⁾ ⁴⁷⁶⁾ ⁴⁷⁷⁾ ⁴⁷⁸⁾ ⁴⁷⁹⁾ ⁴⁸⁰⁾ ⁴⁸¹⁾ ⁴⁸²⁾ ⁴⁸³⁾ ⁴⁸⁴⁾ ⁴⁸⁵⁾ ⁴⁸⁶⁾ ⁴⁸⁷⁾ ⁴⁸⁸⁾ ⁴⁸⁹⁾ ⁴⁹⁰⁾ ⁴⁹¹⁾ ⁴⁹²⁾ ⁴⁹³⁾ ⁴⁹⁴⁾ ⁴⁹⁵⁾ ⁴⁹⁶⁾ ⁴⁹⁷⁾ ⁴⁹⁸⁾ ⁴⁹⁹⁾ ⁵⁰⁰⁾ ⁵⁰¹⁾ ⁵⁰²⁾ ⁵⁰³⁾ ⁵⁰⁴⁾ ⁵⁰⁵⁾ ⁵⁰⁶⁾ ⁵⁰⁷⁾ ⁵⁰⁸⁾ ⁵⁰⁹⁾ ⁵¹⁰⁾ ⁵¹¹⁾ ⁵¹²⁾ ⁵¹³⁾ ⁵¹⁴⁾ ⁵¹⁵⁾ ⁵¹⁶⁾ ⁵¹⁷⁾ ⁵¹⁸⁾ ⁵¹⁹⁾ ⁵²⁰⁾ ⁵²¹⁾ ⁵²²⁾ ⁵²³⁾ ⁵²⁴⁾ ⁵²⁵⁾ ⁵²⁶⁾ ⁵²⁷⁾ ⁵²⁸⁾ ⁵²⁹⁾ ⁵³⁰⁾ ⁵³¹⁾ ⁵³²⁾ ⁵³³⁾ ⁵³⁴⁾ ⁵³⁵⁾ ⁵³⁶⁾ ⁵³⁷⁾ ⁵³⁸⁾ ⁵³⁹⁾ ⁵⁴⁰⁾ ⁵⁴¹⁾ ⁵⁴²⁾ ⁵⁴³⁾ ⁵⁴⁴⁾ ⁵⁴⁵⁾ ⁵⁴⁶⁾ ⁵⁴⁷⁾ ⁵⁴⁸⁾ ⁵⁴⁹⁾ ⁵⁵⁰⁾ ⁵⁵¹⁾ ⁵⁵²⁾ ⁵⁵³⁾ ⁵⁵⁴⁾ ⁵⁵⁵⁾ ⁵⁵⁶⁾ ⁵⁵⁷⁾ ⁵⁵⁸⁾ ⁵⁵⁹⁾ ⁵⁶⁰⁾ ⁵⁶¹⁾ ⁵⁶²⁾ ⁵⁶³⁾ ⁵⁶⁴⁾ ⁵⁶⁵⁾ ⁵⁶⁶⁾ ⁵⁶⁷⁾ ⁵⁶⁸⁾ ⁵⁶⁹⁾ ⁵⁷⁰⁾ ⁵⁷¹⁾ ⁵⁷²⁾ ⁵⁷³⁾ ⁵⁷⁴⁾ ⁵⁷⁵⁾ ⁵⁷⁶⁾ ⁵⁷⁷⁾ ⁵⁷⁸⁾ ⁵⁷⁹⁾ ⁵⁸⁰⁾ ⁵⁸¹⁾ ⁵⁸²⁾ ⁵⁸³⁾ ⁵⁸⁴⁾ ⁵⁸⁵⁾ ⁵⁸⁶⁾ ⁵⁸⁷⁾ ⁵⁸⁸⁾ ⁵⁸⁹⁾ ⁵⁹⁰⁾ ⁵⁹¹⁾ ⁵⁹²⁾ ⁵⁹³⁾ ⁵⁹⁴⁾ ⁵⁹⁵⁾ ⁵⁹⁶⁾ ⁵⁹⁷⁾ ⁵⁹⁸⁾ ⁵⁹⁹⁾ ⁶⁰⁰⁾ ⁶⁰¹⁾ ⁶⁰²⁾ ⁶⁰³⁾ ⁶⁰⁴⁾ ⁶⁰⁵⁾ ⁶⁰⁶⁾ ⁶⁰⁷⁾ ⁶⁰⁸⁾ ⁶⁰⁹⁾ ⁶¹⁰⁾ ⁶¹¹⁾ ⁶¹²⁾ ⁶¹³⁾ ⁶¹⁴⁾ ⁶¹⁵⁾ ⁶¹⁶⁾ ⁶¹⁷⁾ ⁶¹⁸⁾ ⁶¹⁹⁾ ⁶²⁰⁾ ⁶²¹⁾ ⁶²²⁾ ⁶²³⁾ ⁶²⁴⁾ ⁶²⁵⁾ ⁶²⁶⁾ ⁶²⁷⁾ ⁶²⁸⁾ ⁶²⁹⁾ ⁶³⁰⁾ ⁶³¹⁾ ⁶³²⁾ ⁶³³⁾ ⁶³⁴⁾ ⁶³⁵⁾ ⁶³⁶⁾ ⁶³⁷⁾ ⁶³⁸⁾ ⁶³⁹⁾ ⁶⁴⁰⁾ ⁶⁴¹⁾ ⁶⁴²⁾ ⁶⁴³⁾ ⁶⁴⁴⁾ ⁶⁴⁵⁾ ⁶⁴⁶⁾ ⁶⁴⁷⁾ ⁶⁴⁸⁾ ⁶⁴⁹⁾ ⁶⁵⁰⁾ ⁶⁵¹⁾ ⁶⁵²⁾ ⁶⁵³⁾ ⁶⁵⁴⁾ ⁶⁵⁵⁾ ⁶⁵⁶⁾ ⁶⁵⁷⁾ ⁶⁵⁸⁾ ⁶⁵⁹⁾ ⁶⁶⁰⁾ ⁶⁶¹⁾ ⁶⁶²⁾ ⁶⁶³⁾ ⁶⁶⁴⁾ ⁶⁶⁵⁾ ⁶⁶⁶⁾ ⁶⁶⁷⁾ ⁶⁶⁸⁾ ⁶⁶⁹⁾ ⁶⁷⁰⁾ ⁶⁷¹⁾ ⁶⁷²⁾ ⁶⁷³⁾ ⁶⁷⁴⁾ ⁶⁷⁵⁾ ⁶⁷⁶⁾ ⁶⁷⁷⁾ ⁶⁷⁸⁾ ⁶⁷⁹⁾ ⁶⁸⁰⁾ ⁶⁸¹⁾ ⁶⁸²⁾ ⁶⁸³⁾ ⁶⁸⁴⁾ ⁶⁸⁵⁾ ⁶⁸⁶⁾ ⁶⁸⁷⁾ ⁶⁸⁸⁾ ⁶⁸⁹⁾ ⁶⁹⁰⁾ ⁶⁹¹⁾ ⁶⁹²⁾ ⁶⁹³⁾ ⁶⁹⁴⁾ ⁶⁹⁵⁾ ⁶⁹⁶⁾ ⁶⁹⁷⁾ ⁶⁹⁸⁾ ⁶⁹⁹⁾ ⁷⁰⁰⁾ ⁷⁰¹⁾ ⁷⁰²⁾ ⁷⁰³⁾ ⁷⁰⁴⁾ ⁷⁰⁵⁾ ⁷⁰⁶⁾ ⁷⁰⁷⁾ ⁷⁰⁸⁾ ⁷⁰⁹⁾ ⁷¹⁰⁾ ⁷¹¹⁾ ⁷¹²⁾ ⁷¹³⁾ ⁷¹⁴⁾ ⁷¹⁵⁾ ⁷¹⁶⁾ ⁷¹⁷⁾ ⁷¹⁸⁾ ⁷¹⁹⁾ ⁷²⁰⁾ ⁷²¹⁾ ⁷²²⁾ ⁷²³⁾ ⁷²⁴⁾ ⁷²⁵⁾ ⁷²⁶⁾ ⁷²⁷⁾ ⁷²⁸⁾ ⁷²⁹⁾ ⁷³⁰⁾ ⁷³¹⁾ ⁷³²⁾ ⁷³³⁾ ⁷³⁴⁾ ⁷³⁵⁾ ⁷³⁶⁾ ⁷³⁷⁾ ⁷³⁸⁾ ⁷³⁹⁾ ⁷⁴⁰⁾ ⁷⁴¹⁾ ⁷⁴²⁾ ⁷⁴³⁾ ⁷⁴⁴⁾ ⁷⁴⁵⁾ ⁷⁴⁶⁾ ⁷⁴⁷⁾ ⁷⁴⁸⁾ ⁷⁴⁹⁾ ⁷⁵⁰⁾ ⁷⁵¹⁾ ⁷⁵²⁾ ⁷⁵³⁾ ⁷⁵⁴⁾ ⁷⁵⁵⁾ ⁷⁵⁶⁾ ⁷⁵⁷⁾ ⁷⁵⁸⁾ ⁷⁵⁹⁾ ⁷⁶⁰⁾ ⁷⁶¹⁾ ⁷⁶²⁾ ⁷⁶³⁾ ⁷⁶⁴⁾ ⁷⁶⁵⁾ ⁷⁶⁶⁾ ⁷⁶⁷⁾ ⁷⁶⁸⁾ ⁷⁶⁹⁾ ⁷⁷⁰⁾ ⁷⁷¹⁾ ⁷⁷²⁾ ⁷⁷³⁾ ⁷⁷⁴⁾ ⁷⁷⁵⁾ ⁷⁷⁶⁾ ⁷⁷⁷⁾ ⁷⁷⁸⁾ ⁷⁷⁹⁾ ⁷⁸⁰⁾ ⁷⁸¹⁾ ⁷⁸²⁾ ⁷⁸³⁾ ⁷⁸⁴⁾ ⁷⁸⁵⁾ ⁷⁸⁶⁾ ⁷⁸⁷⁾ ⁷⁸⁸⁾ ⁷⁸⁹⁾ ⁷⁹⁰⁾ ⁷⁹¹⁾ ⁷⁹²⁾ ⁷⁹³⁾ ⁷⁹⁴⁾ ⁷⁹⁵⁾ ⁷⁹⁶⁾ ⁷⁹⁷⁾ ⁷⁹⁸⁾ ⁷⁹⁹⁾ ⁸⁰⁰⁾ ⁸⁰¹⁾ ⁸⁰²⁾ ⁸⁰³⁾ ⁸⁰⁴⁾ ⁸⁰⁵⁾ ⁸⁰⁶⁾ ⁸⁰⁷⁾ ⁸⁰⁸⁾ ⁸⁰⁹⁾ ⁸¹⁰⁾ ⁸¹¹⁾ ⁸¹²⁾ ⁸¹³⁾ ⁸¹⁴⁾ ⁸¹⁵⁾ ⁸¹⁶⁾ ⁸¹⁷⁾ ⁸¹⁸⁾ ⁸¹⁹⁾ ⁸²⁰⁾ ⁸²¹⁾ ⁸²²⁾ ⁸²³⁾ ⁸²⁴⁾ ⁸²⁵⁾ ⁸²⁶⁾ ⁸²⁷⁾ ⁸²⁸⁾ ⁸²⁹⁾ ⁸³⁰⁾ ⁸³¹⁾ ⁸³²⁾ ⁸³³⁾ ⁸³⁴⁾ ⁸³⁵⁾ ⁸³⁶⁾ ⁸³⁷⁾ ⁸³⁸⁾ ⁸³⁹⁾ ⁸⁴⁰⁾ ⁸⁴¹⁾ ⁸⁴²⁾ ⁸⁴³⁾ ⁸⁴⁴⁾ ⁸⁴⁵⁾ ⁸⁴⁶⁾ ⁸⁴⁷⁾ ⁸⁴⁸⁾ ⁸⁴⁹⁾ ⁸⁵⁰⁾ ⁸⁵¹⁾ ⁸⁵²⁾ ⁸⁵³⁾ ⁸⁵⁴⁾ ⁸⁵⁵⁾ ⁸⁵⁶⁾ ⁸⁵⁷⁾ ⁸⁵⁸⁾ ⁸⁵⁹⁾ ⁸⁶⁰⁾ ⁸⁶¹⁾ ⁸⁶²⁾ ⁸⁶³⁾ ⁸⁶⁴⁾ ⁸⁶⁵⁾ ⁸⁶⁶⁾ ⁸⁶⁷⁾ ⁸⁶⁸⁾ ⁸⁶⁹⁾ ⁸⁷⁰⁾ ⁸⁷¹⁾ ⁸⁷²⁾ ⁸⁷³⁾ ⁸⁷⁴⁾ ⁸⁷⁵⁾ ⁸⁷⁶⁾ ⁸⁷⁷⁾ ⁸⁷⁸⁾ ⁸⁷⁹⁾ ⁸⁸⁰⁾ ⁸⁸¹⁾ ⁸⁸²⁾ ⁸⁸³⁾ ⁸⁸⁴⁾ ⁸⁸⁵⁾ ⁸⁸⁶⁾ ⁸⁸⁷⁾ ⁸⁸⁸⁾ ⁸⁸⁹⁾ ⁸⁹⁰⁾ ⁸⁹¹⁾ ⁸⁹²⁾ ⁸⁹³⁾ ⁸⁹⁴⁾ ⁸⁹⁵⁾ ⁸⁹⁶⁾ ⁸⁹⁷⁾ ⁸⁹⁸⁾ ⁸⁹⁹⁾ ⁹⁰⁰⁾ ⁹⁰¹⁾ ⁹⁰²⁾ ⁹⁰³⁾ ⁹⁰⁴⁾ ⁹⁰⁵⁾ ⁹⁰⁶⁾ ⁹⁰⁷⁾ ⁹⁰⁸⁾ ⁹⁰⁹⁾ ⁹¹⁰⁾ ⁹¹¹⁾ ⁹¹²⁾ ⁹¹³⁾ ⁹¹⁴⁾ ⁹¹⁵⁾ ⁹¹⁶⁾ ⁹¹⁷⁾ ⁹¹⁸⁾ ⁹¹⁹⁾ ⁹²⁰⁾ ⁹²¹⁾ ⁹²²⁾ ⁹²³⁾ ⁹²⁴⁾ ⁹²⁵⁾ ⁹²⁶⁾ ⁹²⁷⁾ ⁹²⁸⁾ ⁹²⁹⁾ ⁹³⁰⁾ ⁹³¹⁾ ⁹³²⁾ ⁹³³⁾ ⁹³⁴⁾ ⁹³⁵⁾ ⁹³⁶⁾ ⁹³⁷⁾ ⁹³⁸⁾ ⁹³⁹⁾ ⁹⁴⁰⁾ ⁹⁴¹⁾ ⁹⁴²⁾ ⁹⁴³⁾ ⁹⁴⁴⁾ ⁹⁴⁵⁾ ⁹⁴⁶⁾ ⁹⁴⁷⁾ ⁹⁴⁸⁾ ⁹⁴⁹⁾ ⁹⁵⁰⁾ ⁹⁵¹⁾ ⁹⁵²⁾ ⁹⁵³⁾ ⁹⁵⁴⁾ ⁹⁵⁵⁾ ⁹⁵⁶⁾ ⁹⁵⁷⁾ ⁹⁵⁸⁾ ⁹⁵⁹⁾ ⁹⁶⁰⁾ ⁹⁶¹⁾ ⁹⁶²⁾ ⁹⁶³⁾ ⁹⁶⁴⁾ ⁹⁶⁵⁾ ⁹⁶⁶⁾ ⁹⁶⁷⁾ ⁹⁶⁸⁾ ⁹⁶⁹⁾ ⁹⁷⁰⁾ ⁹⁷¹⁾ ⁹⁷²⁾ ⁹⁷³⁾ ⁹⁷⁴⁾ ⁹⁷⁵⁾ ⁹⁷⁶⁾ ⁹⁷⁷⁾ ⁹⁷⁸⁾ ⁹⁷⁹⁾ ⁹⁸⁰⁾ ⁹⁸¹⁾ ⁹⁸²⁾ ⁹⁸³⁾ ⁹⁸⁴⁾ ⁹⁸⁵⁾ ⁹⁸⁶⁾ ⁹⁸⁷⁾ ⁹⁸⁸⁾ ⁹⁸⁹⁾ ⁹⁹⁰⁾ ⁹⁹¹⁾ ⁹⁹²⁾ ⁹⁹³⁾ ⁹⁹⁴⁾ ⁹⁹⁵⁾ ⁹⁹⁶⁾ ⁹⁹⁷⁾ ⁹⁹⁸⁾ ⁹⁹⁹⁾ ¹⁰⁰⁰⁾ ¹⁰⁰¹⁾ ¹⁰⁰²⁾ ¹⁰⁰³⁾ ¹⁰⁰⁴⁾ ¹⁰⁰⁵⁾ ¹⁰⁰⁶⁾ ¹⁰⁰⁷⁾ ¹⁰⁰⁸⁾ ¹⁰⁰⁹⁾ ¹⁰¹⁰⁾ ¹⁰¹¹⁾ ¹⁰¹²⁾ ¹⁰¹³⁾ ¹⁰¹⁴⁾ ¹⁰¹⁵⁾ ¹⁰¹⁶⁾ ¹⁰¹⁷⁾ ¹⁰¹⁸⁾ ¹⁰¹⁹⁾ ¹⁰²⁰⁾ ¹⁰²¹⁾ ¹⁰²²⁾ ¹⁰²³⁾ ¹⁰²⁴⁾ ¹⁰²⁵⁾ ¹⁰²⁶⁾ ¹⁰²⁷⁾ ¹⁰²⁸⁾ ¹⁰²⁹⁾ ¹⁰³⁰⁾ ¹⁰³¹⁾ ¹⁰³²⁾ ¹⁰³³⁾ ¹⁰³⁴⁾ ¹⁰³⁵⁾ ¹⁰³⁶⁾ ¹⁰³⁷⁾ ¹⁰³⁸⁾ ¹⁰³⁹⁾ ¹⁰⁴⁰⁾ ¹⁰⁴¹⁾ ¹⁰⁴²⁾ ¹⁰⁴³⁾ ¹⁰⁴⁴⁾ ¹⁰⁴⁵⁾ ¹⁰⁴⁶⁾ ¹⁰⁴⁷⁾ ¹⁰⁴⁸⁾ ¹⁰⁴⁹⁾ ¹⁰⁵⁰⁾ ¹⁰⁵¹⁾ ¹⁰⁵²⁾ ¹⁰⁵³⁾ ¹⁰⁵⁴⁾ ¹⁰⁵⁵⁾ ¹⁰⁵⁶⁾ ¹⁰⁵⁷⁾ ¹⁰⁵⁸⁾ ¹⁰⁵⁹⁾ ¹⁰⁶⁰⁾ ¹⁰⁶¹⁾ ¹⁰⁶²⁾ ¹⁰⁶³⁾ ¹⁰⁶⁴⁾ ¹⁰⁶⁵⁾ ¹⁰⁶⁶⁾ ¹⁰⁶⁷⁾ ¹⁰⁶⁸⁾ ¹⁰⁶⁹⁾ ¹⁰⁷⁰⁾ ¹⁰⁷¹⁾ ¹⁰⁷²⁾ ¹⁰⁷³⁾ ¹⁰⁷⁴⁾ ¹⁰⁷⁵⁾ ¹⁰⁷⁶⁾ ¹⁰⁷⁷⁾ ¹⁰⁷⁸⁾ ¹⁰⁷⁹⁾ ¹⁰⁸⁰⁾ ¹⁰⁸¹⁾ ¹⁰⁸²⁾ ¹⁰⁸³⁾ ¹⁰⁸⁴⁾ ¹⁰⁸⁵⁾ ¹⁰⁸⁶⁾ ¹⁰⁸⁷⁾ ¹⁰⁸⁸⁾ ¹⁰⁸⁹⁾ ¹⁰⁹⁰⁾ ¹⁰⁹¹⁾ ¹⁰⁹²⁾ ¹⁰⁹³⁾ ¹⁰⁹⁴⁾ ¹⁰⁹⁵⁾ ¹⁰⁹⁶⁾ ¹⁰⁹⁷⁾ ¹⁰⁹⁸⁾ ¹⁰⁹⁹⁾ ¹¹⁰⁰⁾ ¹¹⁰¹⁾ ¹¹⁰²⁾ ¹¹⁰³⁾ ¹¹⁰⁴⁾ ¹¹⁰⁵⁾ ¹¹⁰⁶⁾ ¹¹⁰⁷⁾ ¹¹⁰⁸⁾ ¹¹⁰⁹⁾ ¹¹¹⁰⁾ ¹¹¹¹⁾ ¹¹¹²⁾ ¹¹¹³⁾ ¹¹¹⁴⁾ ¹¹¹⁵⁾ ¹¹¹⁶⁾ ¹¹¹⁷⁾ ¹¹¹⁸⁾ ¹¹¹⁹⁾ ¹¹²⁰⁾ ¹¹²¹⁾ ¹¹²²⁾ ¹¹²³⁾ ¹¹²⁴⁾ ¹¹²⁵⁾ ¹¹²⁶⁾ ¹¹²⁷⁾ ¹¹²⁸⁾ ¹¹²⁹⁾ ¹¹³⁰⁾ ¹¹³¹⁾ ¹¹³²⁾ ¹¹³³⁾ ¹¹³⁴⁾ ¹¹³⁵⁾ ¹¹³⁶⁾ ¹¹³⁷⁾ ¹¹³⁸⁾ ¹¹³⁹⁾ ¹¹⁴⁰⁾ ¹¹⁴¹⁾ ¹¹⁴²⁾ ¹¹⁴³⁾ ¹¹⁴⁴⁾ ¹¹⁴⁵⁾ ¹¹⁴⁶⁾ ¹¹⁴⁷⁾ ¹¹⁴⁸⁾ ¹¹⁴⁹⁾ ¹¹⁵⁰⁾ ¹¹⁵¹⁾ ¹¹⁵²⁾ ¹¹⁵³⁾ ¹¹⁵⁴⁾ ¹¹⁵⁵⁾ ¹¹⁵⁶⁾ ¹¹⁵⁷⁾ ¹¹⁵⁸⁾ ¹¹⁵⁹⁾ ¹¹⁶⁰⁾ ¹¹⁶¹⁾ ¹¹⁶²⁾ ¹¹⁶³⁾ ¹¹⁶⁴⁾ ¹¹⁶⁵⁾ ¹¹⁶⁶⁾ ¹¹⁶⁷⁾ ¹¹⁶⁸⁾ ¹¹⁶⁹⁾ ¹¹⁷⁰⁾ ¹¹⁷¹⁾ ¹¹⁷²⁾ ¹¹⁷³⁾ ¹¹⁷⁴⁾ ¹¹⁷⁵⁾ ¹¹⁷⁶⁾ ¹¹⁷⁷⁾ ¹¹⁷⁸⁾ ¹¹⁷⁹⁾ ¹¹⁸⁰⁾ ¹¹⁸¹⁾ ¹¹⁸²⁾ ¹¹⁸³⁾ ¹¹⁸⁴⁾ ¹¹⁸⁵⁾ ¹¹⁸⁶⁾ ¹¹⁸⁷⁾ ¹¹⁸⁸⁾ ¹¹⁸⁹⁾ ¹¹⁹⁰⁾ ¹¹⁹¹⁾ ¹¹⁹²⁾ ¹¹⁹³⁾ ¹¹⁹⁴⁾ ¹¹⁹⁵⁾ ¹¹⁹⁶⁾ ¹¹⁹⁷⁾ ¹¹⁹⁸⁾ ¹¹⁹⁹⁾ ¹²⁰⁰⁾ ¹²⁰¹⁾ ¹²⁰²⁾ ¹²⁰³⁾ ¹²⁰⁴⁾ ¹²⁰⁵⁾ ¹²⁰⁶⁾ ¹²⁰⁷⁾ ¹²⁰⁸⁾ ¹²⁰⁹⁾ ¹²¹⁰⁾ ¹²¹¹⁾ ¹²¹²⁾ ¹²¹³⁾ ¹²¹⁴⁾ ¹²¹⁵⁾ ¹²¹⁶⁾ ¹²¹⁷⁾ ¹²¹⁸⁾ ¹²¹⁹⁾ ¹²²⁰⁾ ¹²²¹⁾ ¹²²²⁾ ¹²²³⁾ ¹²²⁴⁾ ¹²²⁵⁾ ¹²²⁶⁾ ¹²²⁷⁾ ¹²²⁸⁾ ¹²²⁹⁾ ¹²³⁰⁾ ¹²³¹⁾ ¹²³²⁾ ¹²³³⁾ ¹²³⁴⁾ ¹²³⁵⁾ ¹²³⁶⁾ ¹²³⁷⁾ ¹²³⁸⁾ ¹²³⁹⁾ ¹²⁴⁰⁾ ¹²⁴¹⁾ ¹²⁴²⁾ ¹²⁴³⁾ ¹²⁴⁴⁾ ¹²⁴⁵⁾ ¹²⁴⁶⁾ ¹²⁴⁷⁾ ¹²⁴⁸⁾ ¹²⁴⁹⁾ ¹²⁵⁰⁾ ¹²⁵¹⁾ ¹²⁵²⁾ ¹²⁵³⁾ ¹²⁵⁴⁾ ¹²⁵⁵⁾ ¹²⁵⁶⁾ ¹²⁵⁷⁾ ¹²⁵⁸⁾ ¹²⁵⁹⁾ ¹²⁶⁰⁾ ¹²⁶¹⁾ ¹²⁶²⁾ ¹²⁶³⁾ ¹²⁶⁴⁾ ¹²⁶⁵⁾ ¹²⁶⁶⁾ ¹²⁶⁷⁾ ¹²⁶⁸⁾ ¹²⁶⁹⁾ ¹²⁷⁰⁾ ¹²⁷¹⁾ ¹²⁷²⁾ ¹²⁷³⁾ ¹²⁷⁴⁾ ¹²⁷⁵⁾ ¹²⁷⁶⁾ ¹²⁷⁷⁾ ¹²⁷⁸⁾ ¹²⁷⁹⁾ ¹²⁸⁰⁾ ¹²⁸¹⁾ ¹²⁸²⁾ ¹²⁸³⁾ ¹²⁸⁴⁾ ¹²⁸⁵⁾ ¹²⁸⁶⁾

собой разумы и сердца и были будто бы и бездноты и были
будто бы приняты. И может быть он, по слову правды.
Теперь, когда можно сказать такое, что никто не
принято быть не могущим, пусть всего топорит ^{обязатель} словоблудиями
топота. Проблематическое или даже совершенно нева-
жное, предложенное как почти само собой разумы-
шеское, такое принимается как и в самом деле от-
вечает. Вспомогатель и доверчив ^{иногда и сам} так будет не раз по-
верит, но кажется он и сам слишком вольнодумать и
встретится напуганным на него перебивающим и да-
же не владеть собой. Да и той же ^{той "опоро"} которую про-
пустил Плотин, у Достоевского не было. Лиризм-по-
исковный в чужом языке рождает большой злорад-
ный философ. Да и так тут-ли не чужое то, что так
напрямик философское творчество. Тут и точ-
ки, и академички, тут Рилье Александрович и другие
Дригальский, Платон, Сократ, ^{и другие, которые} Парменид. И притом,
и все эти величайшие мастера и художники слова. Везде
и Платон знает свое "подполье" - только он на-
вал с пещерой и создал великую ^{пропагандистскую} книгу, ~~вот и все~~
притом в пещере. И никому в голову не приходило даже и по-
думать, что ^{Платон в своей пещере - с его подпольем и то платон} ~~была такая пещера~~ пещера есть, не порож-
дающая "бодячих" и т.д., по поводу которого другие
и нормальность и даже полагается изощрять разное ро-
манов "одроживших". И даже такое все то, что произошло
с Платоном в пещере, произошло с Достоевским в
его "подполье". И были новые "плаги" и даже, тут, ^{вот} "видны"
реальность и человек видны миром и наоборот в таком

генеральном

и мировое признание авторитета.

но все мир

наоборот, у Платона было такое, что
образы пещеры и суть поистине нор-
мальности, естественности, что по всем
моду-до того пор, пока они не ото-
ждествлены с миром и миром, и пещерой

эти для меня - призраки, которые подвизаются единственно истинно существующие. Не знаю, эти души были ли свои чужды - Платон, создавший идеальных и похоронивший все человечество или Богослов, рассказавший о своем видении в такой форме, что все слагается от материализма от подпольного человека. Я сказал, "своей чужды, но, по сути", не Платон, а не точно я даю правильно выражать.

Съба-ли у Дюхосевица и у Ткачова била организирани,
създателския задача, кога първи' обуритъ в пещеру, вти-
рчи в подпоясѣ, какъ съба-ли сътъ создателския кѣтъ у
сущестѣ, вървѣ вървѣщающаго ил' кѣтъ ил' ба тѣм.

Учили припоучити полєси, много полєси - а в казани цр-
ли не бивають. Желовна убити музичьское чувство неоптїи,
которое собственно на мажорных влїти не кличеть себя и на-
полюючи название. Это то некуроечное, как принято вырабѣлку
на сапожних филье не некуроечное, а еще не совсем извѣстное.

Может быть до некоторой степени понижается от этого или падает от этого рождение детей птиц, если мы скажем,

что путь к бытию неслыханности государственного равновесия,
здравствования

закономерности, (как раз того государственного, в котором обитает
наше сознание — о'е полудос'у Кларуса и то „всехитво“,

о которых сказано у Достоевских - видеть и играть тако-
вотская упрямость. Актриса, пытавшаяся из-за денег -

Клима Сократа-завирав, что лучше тот же путь и душа,
чем не испытать и чувство удовольствия. И Диоген, которого
обращенники считали сородичем с ума Сократова, тоже
конечно, больше всех в мире болтал о высшей удовлетворенности

интересовались принципом чуждственности, особенно широко употре-

били, что все в мире происходит с необходимостью и по "дес-

потности" ^{начи} основанности. Вроде Основания задаче истории,

как ^{и понимали всегда} ее понимают сейчас, в том же смысле и смысле, и ^{восходят} к истокам,

что понятие прошлого, как и чрезвычайную часть призрачно или

собой евангелизм событий. Для историков Сократе был,

долгий путь пути, конечно только того общего вообще и

и даже того общего вообще κατ' ἐξουσίαν . То, что в нем

было собственно Сократовскому, не было будущего и потому было заранее обречено на гибель и исчезновение.

Для историка не было никакой цели. Вроде и не орудие

чтобы только то, что попадает в точку времени и

нуждается в — а охватывая его и касаясь. Вроде только убого-

дичь, что отдаленное исчезает бесследно. Вроде же, "оставшееся",

то, что из Сократа стало Сократом, не было ни

материю, ни форму, которая обречена быть исчезновением

ничего и не существовала и потому была вынуждена законом,

законом сократовской материи и истории. Собственно Сократе-

то, и Сократе вообще есть для историка то, что ниже-

или Законности не ограничивается. Принципиально, было-было:

то ни в какой, ни в какой, ни во всеобщей и всеобщей

и не подлежит учению. Вроде Сократе, "двигатель", тот,

который отдаленное пошло себя следом в том же общес-

твенном пути. "Могли" Сократа были публичны и тайны.

Нужны и некоторые ^{некоторые вещи} события из его жизни, которые му-

жеть служить примером и отрезком для других — как и как.

то личное и спокойствие в том смысле. Но сам Сократе-

разве это кому-нибудь нужно? Оттого он и не был бесстрашным,

что он никому не нужен. Если он был нужен, то был

бы и дамок, надеждою ослепляющий, какъ законъ сопряжен-
н матеріи, не допускающий, чтобъ кто-бъ одинокъ и томъ превра-
тился въ кабатъ.

IV

Глазами историка, естественными глазами смотрю на до-
стоинствъ на тѣхъ. Но, когда избились втораго шага, оиъ уви-
дѣлъ уруго. „Подполье“ — это вовсе не та мистерія ^{доула} ~~шаф~~,
куда Достоевскій помѣстилъ свои грѣхъ и не его одинокость,
политическую и доброту ни подъ землей, ни на днѣ
морехъ, вращающагося въ толпѣ. Наоборотъ — и того
нельзя ни на минуту забыть — Достоевскій ушелъ въ оди-
нотство, чтобъ спасти и не по крайней мѣрѣ полагаясь
спасеніе отъ того подполья (по Платоновскій мѣрѣ), въ ко-
торомъ живутъ все люди и въ которомъ все люди видятъ
судьбу или судьбу или даже единственно возможную
жизнь. Я говорю уже, что цѣлики варахали въ доброту
судьбы, чѣмъ Платонъ считалъ Сократа. Теперь прибав-
ляю. — Онъ напомню, что цѣлики были роковыми и сред-
ствами монашества. И монахи были въ доброту всего
этого душевнаго равновесія, которое, почитается обогатили
люди и послѣдней земной чужды. Деспотизмъ и сталъ
страшное самобичеваніе много отъ своей жажды
всего не умиротворяющаго и томъ ея, въ которомъ
это обогато понимается. Монахи и пустынники, испутившіе
себя постомъ, бдѣніемъ ^{и другими монашескими} ~~тѣлесными~~
изъ того „всего“, о которыхъ говоритъ у Достоевскаго под-
польный грѣхъ. Основное правило *recitatio scripturae* фор-
мулируемое въ таинствѣ догматическомъ въ таинствѣ „quanto
se magis reperit anima segregatam ac solitariam, tanto ar-

погибших ^{погибших} просебъ всцхъ, въ которыхъ, лужахъ, и дикимъ дѣлѣхъ происхо-
дитъ припадки, „на дѣлѣ много надо. Знаю самъ: что въ
въ провалѣхъ вотъ что. Мнѣ надо спокойствія. Да въ
то, что мнѣ не было, все свѣтъ сейчасъ же за-
хотѣху продать. Свѣту — и провалитъ, или этотъ вотъ
мнѣ тако не нѣтъ? И скажу, что свѣту провалитъ, и
и этотъ мнѣ такъ ~~бавъ~~ всегда нѣтъ. Знаю-ли вы тѣхъ,
кто? Ну, а въ томъ знаю, что и мерзавцы, по нѣтъ, се-
годня, кто-то? И на спящихъ странихъ еще „а
самой толстой, самой глупой, самой милой, самой по-
кой, самой ласковой и въ томъ на землѣ тѣхъ.
Такими признаніями переписана вся жизнь. И если
ваши люди любятъ добавитъ отъ себя, еще сколько убо-
го превосходствъ степеней отъ разности убожества,
словъ: подпольный тѣло и отъ того и отъ этого и
все при этомъ еще поддѣлать вѣкъ въ изобрѣтательности. И все
будетъ правдой — подпольный тѣло самое отражен-
ное существо на свѣтѣ, самое ужасное, самое невозмо-
жное. Но не торопитесь торжествовать надъ ними: такъ
же признанія въ вѣтрѣ тѣхъ въ книжкахъ величавости свѣ-
тѣ. Вѣтъ они считали себя „самыми“ — не только самы-
ми ^{благородными} благородными, самыми благородными, самыми благородными,
и, самыми благородными и т.д. существовали на свѣтѣ. И
Бер. Кривошеинъ, и св. Тереза и св. ученики Феоф. доль Кром
и что угодно изъ свѣтѣ до конца тѣхъ были въ свѣтѣ.
ночь ушла отъ своей соборной пышности. Все
мнѣ признанія, въ величавъ тогда купили
родилась въ такого рода думныхъ переживанияхъ. Съ

дела хороши? Поэтому понравилась Богу эта же личность
 и вопреки все тем осуждениям и ухищлениям, в которых полагали
 его злоумышленника? Вряд ли только потому, что иначе нельзя
 было спасти, искупить мерзость и нечистоту одного
 преступника. Тут безмерно велика человеческая ^{жизнь} ~~преступ-~~
 ление, такая глубоко наша личность — что никакими сопри-
 косновениями земными нельзя было искупить по вину — не
 золотом, ни серебром, ни ^{соплатили и тысячами были даны} ~~кентами~~ ^{вещи}, ни драгоцен-
 ностями, а потребовалось, чтобы Бог
 отдал своего единородного сына, потребовалась такая
 жертва из жертв — иначе нельзя было спасти и преступника.
 Там ворами, там ворами, ^{бывало у нас ворами} ~~сбывало~~. Тогда же ^{и в те же} поверили Достоевский, когда он так ^{мучи-}
 тельно от него, отдал бы ему невинную повесть.
 И в том смысле — записки из подполья — ^{должна} ~~должна~~ ^{бы-}
 тельно лугуны коллиментарные и пугающие социаль-
 прославленным святым. Я не могу тут же сказать, что
 Достоевский издала „своими словами“ то, что он прочел
 в ^{твоем} ~~разговоре~~ ^{книжке}. Я думаю, что, если в Достоевский не
 прочел ни одной книги и писю не знает ни писю
 святым — он все же знает свои записки. Достоевский
 знает то, что основаны души, что он в ту пору, когда писал
 еще не было {никого знания} был знаком с ^{никого} ~~никого~~
 святых и даже, если был неким знаком, то советам не востановить
 работа и так. Это обстоит так, что кажется, что
 уже его записки. Он не чувствует за собой ^{никого} ~~никого~~
 только никакого авторитета и ~~никого~~ ^{никого} ~~никого~~ ^{никого}
 его предания. Каверзю: он знает, что он, один только

347. „Я убогих, а они вѣдѣ“

7490 новое рождение

онъ, вѣрнее отъ насъ коръ, какъ токъ міръ, убивать не уба-
сѣ, которая ему открывае. Варванни и въ „божества“, изъ
того единственно реальнаго міра, которой и своеру-
чливостъ только на „вѣдѣ“ и основана, и до ка-
кас другіе основаніи міръ божества новъ когда-либо дум
себѣ придумаетъ. Достоевскіи тѣло новы въ вѣдѣ.
Поэма учила изъ погъ съ погъ и онъ не знастѣ, что
это такое: начало вѣчной тѣбѣ или величайшей
вопросами, второе, новы рождением. Можетъ-ли чело-
вѣкъ существовать, и не что не опирается или онъ ро-
женъ превратиться въ ничто? Древице говорили, что
боги тѣмъ отъливаются отъ смертности, что некому
не касаются погъ земли, что и въ не чужда опра,
погъ. Но въ боги, (при тѣмъ древніе и новы боги, то
что боги мифологизации, сказочны, вѣдѣ, боги
такъ основаны на ^{вѣдѣ} опровергнуты современной наукой
материю....

Достоевскіи все это знастѣ, какъ и вѣдѣ другой, и въ-
не, чѣмъ вѣдѣ другой. Знастѣ, что и древніе боги и
новы боги давно уже вѣдѣ за предѣлы возможности
опатѣ и превращеніи въ тѣмъ идеи. Современная на-
русская литература вѣдѣкла тѣ со всей тѣмъ сер-
визію, которая допускалась тогдашней цензурой. Да
и западно-европейская литература, съ ея философскими
стопами Канта и Канта, была въ вѣдѣ тѣмъ
и въ отъ Канта Достоевскому Канта, вѣдѣ, тѣ
Канта и Канта не были ему значимы. Но, въ вѣдѣ и
надобности не было. „Предѣлы вѣдѣ тѣмъ“

девізи XIX століття, передавши по намірності і чашому
століттям коні одні не глибокішим проірвані наукою
ишли, століття китайської стоний преді чловѣчестви
патлибствію. Ни для коні солітніи не бачо, что есть
нѣкій „опотъ“, колективний или даже содерний опотъ
чловѣчества. и что нѣтъ дані почитаніи тольо ти,
что въ володѣніи за со кредити. и воітѣ опотъ „вос-
мѣхити опотъ“ и со, предіи, какъ они рисовали
Каміу и Коніу, представились Достоевскому вновь,
восведеніи нѣтъ то стѣнани торбѣи. Странни
бѣли стѣни прѣкни катѣриной торбѣи. Но нѣтъ
нѣтъ видѣноа коніи краіи нѣба. ^Вни за „предіи“
Каміа и Каміа говорѣнно нѣтъ и бачо бачо.

Потѣ уа бачо почитаніи коніа, закрѣщеніе - гнѣни
котораго нѣтъ бачо нѣтъ. Дверь и Давидови
нагнѣни: *lasciate ogni speranza voi ch'entrate.*

XI

PI 41 § V

Въ „запискахъ изъ Мертвого Дома“ Достоевскіи нѣтъ
раскалѣбаетъ о бесероготѣи катѣриной и нѣтъ нѣтъ
ни нѣтъ нѣтъ почитаніи нѣтъ. Знаетѣ нѣтъ, нѣтъ
присутіи нѣтъ стабѣи на картѣ. и ба нѣтъ прощастіи.
Въ катѣриной уа Достоевскіи больше все записаніи
прѣи нѣтъ нѣтъ, такіи, которіи нѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ. Вѣ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ
нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ

ботана. И проку атиспантн, и наблюдательности были
у него даже больше, чем у него, а такого парящего ма-
ли, какие провозились автором „З. и М. Д.“ во не найдется
и в самых прощальных сочинениях. Если же, впрочем,
они не ушли отбитием на этот вопрос, то только
потому, что путь ответа им не может. Ибо проку-
тальности, наблюдая рожу и словность, никакого обви-
нения не допускает. Достоевский знает, что толпу
едва ли не мало рожу и словность людей, мало же и в
которых. {Да, кажется, рожу и словность} еще правдивее
бато ба, пишет, сказать, что рожу и словность людей
собственно и не бывает, а бывает только великая рожу
и словность, которая объясняет ^{и почитает} ~~принцип~~ и потому, что
они объясняют ни на чем не основаны, по своему
существованию, не имеют никаких оснований. Они не допускают
ни по какому правилу, они потому „прощения“ и потому
„величия“, что и потому своей жаждой прокутальности
всему правду — и даже больше поправляют взаимности
всему объяснению. В их понимании свое в которых До-
стоевский еще не почитает или не знает того. Он еще
взрывает, что есть предикт что и по своему опыту и,
что в предикте и по своему опыту и по своему опыту
не нарушают порядка. И что же такое предикт огу-
дического порядка так же и по своему опыту и по своему опыту,
как и по своему опыту и по своему опыту за волосы и за
волоса. И так же и по своему опыту и по своему опыту —
по „Запискам из Нурдана“. Но в „З. и М.“ еще откры-
лась новая, неслыханная вещь: и того в том, покуда

[illegible]

Критика чистого разума — то ее нужно искать и не-
по у Достоевского, в записках из подполья и в дру-
гие произведения, которые и в этом записке вхо-
дят. Может, что нам уже Кант под эти за-
писки есть не критика, а аполлонов чистого разума.
Кант даже не должен критиковать разум — не мож-
ет на то, что Кант, по его словам, пробуждает его от
догматической дремоты. Кант еще поставил вопрос:
Есть ^{наука} математика, есть науки эмпирические — физика
и химия математика, логика, конструкция зо-
тური была бы той же, что и логическая конструкция
математически эмпирических наук? И это они
называют пробуждением! И критикой! Везде приходится
было бы поставить вопрос о том, могут-
ли математическая и эмпирическая науки называться
и познанием "знанием". Не кажется ли, что они
наше обучение познанию и обман. Такого вопроса
они не ставят: положительная наука оправдана
себя в ее глазах "успехами" "сбытия", т.е. тем, что
тогда, которая они принесли человечеству, стало быть
они критиковать побуждений не подкажут, а только
боятся они сами критиковать и судить. И, если мета-
физика хочет давать людям истину, то она
должна быть наукой, а не может быть наукой —
значит у нее нет истин. Отсюда ва-
водит положительная, оправдавшая себя успешными и са-
мо собой наука стала наукой только благодаря тому,
что в нее распорывались оказавшиеся в ней "принципы"

если уже есть "критика"

[illegible]

высказывания

только лезем, чтоб обидеть
и вальс

догматизма, и - ровно через истинность тага, без всякой и
 постороннего повода, а именно потому - то внутреннему,
 эти сильные вещи его интересов - во многом совпадают
 другие, т.е. ^{хорошо} (пойдет против всего, включая саму
 и говорить ~~и~~ и против Закона разума и против
 собственной воли, ну, против самой, против всего "
 против того, "всего"? И эти же такие, "внутренние",
 что сильные вещи его интересов? Если же попытке выйти из
 "почти" Достоевского, но обаяние превратить его воле-
 ный, чуждый нам язык на обожиле шквалом из
 Закона разума и собственной воли и одной истори-
 ко - с другой стороны это же внутреннее, что сильнее
 всего интересов. Ну, ведь то же и есть, что это, "внут-
 реннее" и есть то, что лежит в основе всякого
 опыта. Ибо опыт, тот же опыт, с которого, по Канту /хорошо Кант - нарицательное имя,
 начинается всякая наука, и из которого вопросы науки - Кант это и есть ^и "всего"
 всякая наука - математика и естествознание кончи-
 те включается, не может и не может включиться
 то, "внутреннее", о котором. Оборотом Достоевского.
 Опыт "Кант" есть конкретный опыт телесного
 и только популярное понятие слитывается
 с (личностными индивидуальными переживаниями) с ^и "фактами" материального
 Иные говорят, этот опыт уже непротивно предпо-
 лагает готовую теорию, ^{судить} законы, о которых идет
 речь у Достоевского и о которых Кант правду, ко-
 нечно, сказать, что же природа людей, а люди природу
 действуют законы. Но, тут же ^и (начинается коренная
 расхождение между школой философии с одной стороны

и "свободной" моралью Достоевского от утраты. Конче-
только Кант мнит слово закона - он утилит.
полюже ^{не имеет опират.} совести, что и есть что с зако-
мерной властью. Раз диктуются законы, значит
власть, раз власть - значит нужно подчиниться
и в том же роде то же самое в подчинении. Ну
но, конечно, поставит вопрос - есть ли мораль
и отвлеченная - как кант властью, закона дик-
тующие. Все думая, что Кант, что эта власть
кантовская приращивает, что природа побуждает, ре-
шавшая ^{побуждает} ~~на подчинение~~. Кант тут замечает
ошибку. Не природа диктует человеку. Человек же
и то только даст или противу, или тут есть приращивать законы, но, конечно, не той же чело-
веческой силой.

Итак, та же человек и сам только, природа же
то, что подчиняется. Власть, окончательная, по-
ложившая власть принадлежность человеку вообще не
началу идеальной - так же далекому от одуше-
вленного существа как и от неодушевленного тела.
Итак говорю над всем, что есть что и что при-
знать, правду, законы. Кант боится агностицизма, который
и такие сомнительные вопросы Кантовской
морали ভালো: закон не природа и не человек дик-
туют законы, а и природа и человек диктуют
закон законами-ми. Итак говорю - в канте был
закон. Если бы Кант так рассуждал своего моралиста,
то он был бы близок к кантовскому агностицизму,
которое он стремился оправдать в своей этике

[illegible]

есть такая вещь принята утверждением и что
 они имеют орошения, сверхестественная причина
 тва при утверждении, а сами не принимают
 и что эти всеобщий и обязательный аргументы
 но и заключаются на основании этики. Почему
 говорить, что Достоверно отлично понимать, по-
 му наука и здравый смысл так возмущены
 всеобщими и кредоидными понятиями. Единичная
 факта не приносят
 существ, сами по себе не имеют не факта, никаких
 выводов. Ну, что из того, если я отнял, что
 пролетно-материал, сохранил на солнце камень,
 кусок дерева держится на воде, несколько пот-
 ность вода утонула моя татта и т.д. Везде для
 науки эти факты совершенно не
 знания существа не эти факта. Этаким путем
 то, что факты превращаются в "опыт", (Когда
 и получаю право сказать: вполне соответствует
 намень, факто в воде не токсично, вода утонула
 это татта - только тогда и факто на основании
 Эпикса. Иначе говоря Эпикс становится знаниями
 по сколько мы в факты открываем принцип,
 те невидимые, тот факт, который держит
 мир. Ибо-то, что в мире фактисм про-
 водит в мире правдивости. И нравственный
 мир держится принципов, правил, идеал-угод-
 ности и все эти вещи, не будет ни
 добра ни зла подумо тату как в мире фак-
 тисма, если читать Ларсон, наступит абсолю-
 тизм, в котором все, что угодно будет

Y m. m. m. m. m.

Дке теперь только, а Вреда - и

[illegible]

[illegible]

и востанутые люди.

VIII

BI 47 § VI

20

Iniquum est dicitur et sapienter solum. Тогда варимые
ребя-ископанные отказались отъ утешения, т.е. отъ того
апологизма идеи, который мы впитали в себя съ помощью
матери. Больше того — нули вообще от нас отказались,
наш мы могли уже защитить по тому что такими
мы давали подпольную теплоту, отъ идеи вообще
т.е. отъ того первостепенного значения, которое мы
придавали в научной философии, отъ отклоняющей в игнор
существование мира. Идеи требовали в новую категорию не
находящуюся, рождающую, на всегда определяющую,
и подчиняющую, подчиняющую, дающую своим значениям
и силу эту по той или иной причине существовать. Далее и
не существовать, и приравнять, т.е. не. Научные интересы
давали игнорировать ^{идею} идею прототипу: отъ рождающей, что
вынуждало, что невозможно, что определяли собой границу
между действительностью и мечтой, ^{между} между добром и злом, между
от первой думки и второй подпольной теплоты
от второй думки и третьей подпольной теплоты, от самой границы и не думки.
начало, "Записки" своей подпольной теплоты против тех
прототипов, присвоивать себе идею. Ружья те давали, но саблевые и думали
и давали, и думали, что в идеях было и малая и
и не требовалось, оплеванная великая ^{и границей собой} петербургская теплота —
комы. Давали ~~идею~~ в идею Давосского, на
в "Зап. и. над", так и во многих других произведениях
но может быть свободно похвастаться на ряду с ^{идеями} идеями
уточнить все прилагательные философские, а по силе
маленькие — и не боясь того сказать идею — идею и идею

В том-то и дело, что — еще раз повторю —
очень длинный советник, 322
каждому из нас так много нужно.

...иногда в людях с короткими интервалами... Эти
посуда... перед тем, как начать, то есть все смир-
но. Нежелательность — значит, как сказать, что... Ка-
кая же кампания? Ну, разумеется, забота при-
роды, ввиду ее нежелательности, как бы сказать, убо-
го, как бы сказать, как бы сказать, что это обещают про-
извести, то есть уже и нечего морщиться, кричать
как есть. Уже как бы сказать, что в будущем
одна кампания того же самого типа, то есть до-
вольно хороша эта кампания, то есть хорошая, так уже и
принимать, нечего думать-то, потому что два, —
математика. Попробуйте выразить! — Попробуйте
записать, выразить, выразить: это два, —
два, четыре! Природа вас не спрашивает: си-
стема, то есть до ваших желаний и до того, что
вы хотите, вы хотите, вы хотите, вы хотите. Вы
обязаны принимать ее так, как она есть, а
нежелательно и вот ее результаты. Говоря, говоря,
и так, так и т. д. и т. д. Вспомните себе, до каких пор
это до законов природы и математики, когда
мы хотим, чтобы эти законы не правили? Разу-
меется, и не правят, то есть если и в са-
мом деле сила не хватает, будущий кризис, но и не
принимать, потому что, так же, как и кампания,
судна и у нас, сила не хватает. Как будто кампания
кампания, так и вразумить, так же, как и вразумить
законодатель, вот какое будущее слово на мир, одна

стбию потому, что она глупа, глупа глупа. В ней-
 ность и глупость! Но ли это все понимать, все со-
 пасть, все невозможности и каменные стены; не при-
 миряться ни с одной из этих невозможностей
 и каменных стен, если вы не хотите критиковать;
 дойти путем самым простым, самым простым по-
 нятию до самых отвлеченных законов и на-
 влечь к этому, что даже и в каменной стене
 как будто бы есть виноваты, что опять так же
 очевидно, что даже не виноваты, и в результате того, что
 и бесконечно суждено. Зудит, а остроумно замечает
 в инерции, что о том, что даже и злит вас
 впереди нас и на кого; что предвстает не каменную,
 а любовь к ней, никогда и не найдется, что тут
 пошлость, пошлость, и утраты, что тут есть
 бурда - не знаю, что и неизвестно кто, но не
 смотрит на все эти неизвестности и пошлости,
 глупа все так же глупа, и что глупа не глупа,
 глупа глупа. Глупа... Возможно, что и теперь
 устал от этого за Достоевским. Но не зная, серьезно
 ли он говорит или шутит, все это глупость.
 Ну, может ли, в глупости даже не говорить предвстает?
 "Противоположность, природа, которая глупа
 все, не спрашивается, как, какие эти глупости
 и, да еще при этом и глупости существуют, почему не
 возможности отрицать, что не глупость и глупость?
 А именно то, что в Достоевском это и не глупость
 вопрос о том, в какой ли нашей жизни судить о воз-

могущих и невозможных. Главного вопроса решить ни
философы, правда, не ставят. Ибо, если попытаться раз-
ну не дано судить о возможности и невозможности, то
кому же судить об этом? Стало быть все возмож-
но и все невозможно. А тут же еще Достоевский, словно
насмехаясь над нами и само собой говоря, что сил у
него пробить стену не встает. Стало быть признает
невозможность науки то, предвещая нам то. Кажется
еще он только что утверждал противоположное, до-
вольны были только утверждать, что «невозможности» не сами
себе побуждают, что невозможно ничего и что
быть не может? Вдруг такими образом мы приути-
лись к абсолютному хаосу, или даже еще и к хаосу
и к хаосу то крайнюю точку, в которой все
изгибы несут и вала, действительности. Но,
побуждению, он и безграничны границы, тем и быть
должно. Точнее, освобождаясь из колымажной
власти поворотились. Иной подводит к тому-то
столь не обожному и столь новому, что ему должно
казаться, что он в самом деле обратил в извраще-
ности и подвигает к тому, что и в самом деле.
Достоевский был не первым, которому пришлось не-
посредственно наблюдать, что такое переход
в необратимые состояния, сопровождающее то, что ка-
жется отказом от той силы, которая нам
дается «идеями». За которую мы и не хотим,
величайший философ Философ, то же, как и Достоев-
ский полагавший, возмещение над знаниями/бразды

[illegible]

ураганы, плывущие, талые, тропические

и унижений. Да каково! Подполковникъ и капитанъ,
и воемъ, и батальонъ воемъ въ три мѣи — это уродство наше
флота. Да и оучъ есмь, воемъ способъ и изстѣмъ изстѣмъ,
тѣмъ подставитъ своею губу подъ кобы, и сморзана
и сморзана. И, тѣмъ долбежъ не оскорбленіи, тѣмъ
долбежъ не унижаютъ, унижаютъ, тѣмъ, и тѣмъ
да оучъ губитъ есмъ думъ къ своей добротѣ и чести.

[illegible]

обоготворения, ^{и мучае} вост. мученик, ^{и призывае} и

[illegible]

Откуда его страшный вопль!

тошкит нас - "Скучно жить на свете", "Господа не в Рос-
сий, а на свете, на великом свете. И не потому, что
Хлестакович, Собакевич и Косоротовы боялись, а что жи-
ть было бы. ~~Вот~~ Для того же Хлестакович и Косоротов бы-
ли не "они", не "другие", которых нужно было до себя по-
нести. Они сами говорили - и это не лицемерное сло-
жение, а настоятельное провозглашение - что не другие, а себя
не надо грешить, а надо самим себе самому еще описывать, и в "Рассказе" "Рассказ" и
"Мертвые души". Хлестакович до того портос-
танчивал для людей запечатанных или совсем негласных,
так что они не соглашались принять это возмездие
признания. Не худшие из нас, а лучшие - невосста-
тавшие, заведенные таинственной рукой и не дер-
жащие никогда и ни в чем против своей соб-
ственной природы, свою собственную волю. А кто-то
отель не только губителен, что как только есть не
жизнь, а смерть. Но и не являлись только и
то, что, подобно возмездием мертвечине, изредка,
в такие темные часы, впрямь, и в своих гробах
и требовали оценок, в неопределенности со-
седней страны или криком. Душно нам, душно
Сам же Хлестакович себя утешал, без фор-
мально. Вспомни, что столько вехи до земли и, хотя
не в силах жить жить жить прилагать и, что
убиение ~~хотят~~ красная неба, открытой души для
обитателя мертвого дома. Это свергающие встре-
умление и не превращающие толпы в прочные
раны потрясающая из мировые трагедии, как

не надо грешить, а надо самим себе самому
описывать и своим сочинением

нею ~~мистическая~~ судьба. И что похитили грехи
 аице нею ^{проклятые} ~~похитили~~ ~~страшны~~ даром вторах
 видный. Или этот дар — не проклятие, а благосла-
 вие? Или да хоть на этот вопрос можно было
 ответить. Но все много вторах видный в том
 и заключает, что же задавать вопроса, на которые
 нет ответа и потому потому, что они так
 патетически требуют. Бессилие, соци-
 зм и иже злые злые не могут признать в них
 Виз, не может отказать масса и толпа, что все
 он сосредоточился на одном помощи, на одном
 исходе. Он может только терять себя и безумно-
 вать, — отдают себе в руки губительно плачу, втис-
 кивают, уничтожат свои лучшие руки, несут
 дикую психику грубым своим. И, побуждая, впа-
 ком что ^{бессильное} ~~сильное~~ все это „психика“, чужды не только все это ~~не только~~ ^{всего этого} ~~не только~~ ^{всего этого}
 несравненно литературная работа. Психика, может ^{всего этого}
 быть для того, что же варварства не, в том же. Толпа
 не употребляет этого слова. Толпа даже в клоде
 бернате и не знает и никогда, конечно, не погов-
 ривал, что Аристотель заговорил описи законов
 противоречия и дикой. Толпа говорит не знает
 никакого образования и даже ~~идеализм~~ ^{идеализм} в самом
 грубом значении этого слова и все так же с плеча, ^{всего этого} ~~всего этого~~ ^{всего этого} ~~всего этого~~ ^{всего этого}
 чужды Достоевский, чувствование ~~страшны~~ ^{всего этого} ~~всего этого~~ ^{всего этого} ~~всего этого~~ ^{всего этого}
 над собой и все же миром того же, иже, которая
 создал ^{м.н.} ~~порочный~~ ^{порочный} ~~непосредственный~~ ^{непосредственный} ~~человек~~ ^{человек} и
 которая, вливая и прося в ~~теоретическую~~ ^{теоретическую}

Правда иной раз кажется, что этот
 дар —

[illegible]

и описывает факты. Факты сами по себе для науки совершенно
даже темны, так описываемые нау- науки путями теорий т.е. то, что уже имело
мент, как зоология или ботаника. образли превращает ^{происходящих} одинаково ^{существующих}, для
обобщено, обобщенная глава случайное в пробо-
димо. Отделите у науки это суверенное право,
и все навсегда сведете к пещерному. Самое про-
стое описание самого простого факта уже предпо-
лагает верховную прерогативу — прерогативу послед-
него, окончательного суда. Наука та констати-
рует, а судит. Она ^{не} изображает действитель-
ности, а творит историю, порождает политику, автосто-
ноту, ее самого же создающего законы. Иначе
говорит наука есть (судит и творит) перед судом
разума. Разум не рождал, чему быть и тому не
быть, — и как бы рождал, так и будет. Ро-
ждает же он по собственному — этому не за чи-
моду забавлять — законы, совершенно не счита-
ясь с «человеческими, естественными, человеческими». Ма-
терия и энергия неукротимы, а Сократ и Демокри-
то Бруно уничтожили почитаемые разумом:
хоть безпреступно повиноваться, никто не дерзает
и вопроса помыслить, почему разум не издалечном
законов, почему он только отчасти заботливо ох-
ранил материю и энергию и совершенно забыл о
Сократе и Бруно. И еще рождал дерзает помыслить
другой вопрос. Подумайте, что разум и почитаем-
ные этим безумительный законы, пренебрегают
всего что свято для людей, всего то *deus in deo*,
то *deus in deo*.

26

Да еще так, что за все безнормальное существование
мира ни разу не случилось, чтобы кто-то охнул и тогда
пропал бы кто-то и кто-то охнул и кто-то угадал, что
и золотых дел мастеров растащит в пропавших.
Вот так, мол, сила — самое настоящее, после-
днее чудо. Говорит боже, что, действительно, то есть,
разумна та же самая сила и логика. Попробуй же
попытаться его, ужалить: ничего не выйдет. Чужая он
творит, как и изобретательное существо, а существ-
вения не имеет. И не все, что ему угодно, не самому
крайнему изобретению, так и чудо спокойно допустить —
ибо наука, создавая, разумна, и потому хорошо
запечатлеть память: из фактов создается оплот-
нение оплот, благодаря которому мы познаем влас-
ти и природу. Разум — ~~сначала~~ призван к человеку
и сказать ему, ужалить на все мир: все это да
ибо, если науки поклонились. Говорит поклонники
и получить общность. „Говорит вообще, конечно,
т.е. то, „всего“ о котором говорится. Восто-
евский. И с тем же поре величайшей обязанностью
человека считаться преклонением перед разумом. И
до того дошли, что считаться немощностью, т.е.
даже внутренне неспособностью кнос отношения к разуму.
Отношением Бога к заповедям, возлюбил того
Бога быть сдержанной и душой. Разум и без заповедей
обходится: и так возлюбил, без всякого приказа.
Говорит обстоит дело: Бог не называет ни одной тсори

[illegible]

28

в бою и плечист. Я согласен, что дватца два естаре
превосходная вещь; но уже если все два лит, то и дватца
два пять прилипла иногда вещица. Вот не прилипли
и таковы способ выражения в философских исторических способа выражения на философских
и, лит ложест, ослорбился тылит, что з, то борзо теури
поиманий, нувольно себе цитируют ^{погодит} тылит выраже-
ний ит Достосвелеи. Но, вот если бы права, и выражения
точно были бы пущистика, если бы не было подчтеть вопроса
о захватить, если бы тут все еще шель спор о правь.
Но в толи то и дело, что, дватца два естаре "или, разумь"
каждого спора ^{в правь} ~~не может~~ ^{не может} догнать ит. Очъ не хотятъ судител, ^{да и не может, что (сказано) так}
они сами хотятъ судить и всякие политичес в этомъ сво- ^{допущение флз нелз такли бы поуби}
ачь правь - отбачаютъ фджене иф акавемои. За разумомъ - ^{все свои грив}
"вплетбо". Всплетбо и разумъ отождествляютъ себя одно
о другичи. Всякая возмощность тятба кончается -
начинается борьба, отчаянная борьба, на щик и на смерть
Въ фоднольнии условиях, предъ лицомъ разуми отбавки
личейкати некровителства Жаконов. Законъ, кону и л
эпоху покровителствуютъ только материи и энергии.
Возраст, Дасордани Бруно - дохсе дань Христосъ на велики
оказался килемич и нигилич не охраняющий - поделфси.
И вотъ нигилизм, забитости, несчастный подпольный
головник, прирощенный кинесизмизма держатъ братъ на себя
Защитиу раститого ошлого головника. И, поимотривти,
какогопо гудбже и прокиновскике взгледъ того влываи-
пато, ^с безмощные типовникишики, чьямъ урешот, приккалани
философов. Вообще философы борются о материализмичи
и сплотивитъ себя въ Большую Заслугу, самому убогичи

собрать пропалою Боже или мисле удакна аргумента
проти материалиста. А Дюловский, давши
Клода Бернара те помощи, даме не удовлетивает
материалиста спора. Виче Знаеж, что материалиста
сам по себе Басилеж, что он держитса материалиста
мислом, идеали, т.е. все тиче все „разумом“, не
признаюцим над себей никакого начала. А вот то
то самоуверенный разум как его свернуть, как
метод, какіе приемы борьбы придумать? Не забыва-
ти, что спорить с ним невозможно. Все доказательства
суть разумны доказательства, т.е. ^{они} даются только и созда-
ны, чтобы поддерживать исходящие от разума все

Мудак от них помощи и под-
держки - Знаеж идти на врага
пораженце.

физикте. А вот что одно налить на твое убо-
жество и на все, что требует разум отбросить са-
мому рожителю или отмазати. Все нормальное, урав-
новешенное, выдержанное сего общечеловеческим
самоуверенностию воспоняется на бой, на пологий
откатили бой. „Дважды два четыре“ не пичик,
воспона, а начало смерти. „Нормальное“, уравновешен-
ное люди, верноподданые существа разумна, таче хо-
дящие свои предположения верному и идеальному
началу - только анжара или варичики смерти. Вроде
они оберегают пожелити безжалостному уничтожению
и разрушению. Превиде всего, конечно, сама игра о хреба
ходоты нормальности и поновительности. „Норму
во таче твердо, такъ торжественно убавдеж, что
только одно нормальное и поновительное - одичать ливан.
только одно благожелити, словенку. Вроде? Не они

багачили разучи въ вѣдоути? Възрѣ, бѣтъ можеть, нѣ-
 вѣли любить не огню благодарности. Можеть бѣтъ оне
 ровно на столько же любить страданіе? ~~Можеть бѣтъ~~
~~на столько же любить страданіе?~~... Человѣкъ иногда
 ужасно любить страданіе, до страсти, а что фактъ. Тутъ
 уже и со вселенной исторіей нечего сравнивать, спроситъ
 себя самого, если въ сколько нибудь бѣдѣ. Это же касалось
 мало личной жизни, тѣ любить тѣмъ огню благодарности
 даже какъ ты и не прилечи. Хорошо-ли, дурно-ли — порис-
 лочать иногда эти нибудь тѣмъ очень хлѣбно. Я въ рѣ-
 тутъ собственно не за страданіе того и не за благу-
 деиствіе. (Того ж... за свои карьеры и тѣмъ въ мнѣ
было гарантированіе, когда понадобится. Страданіе, на-
 ричатель, въ водоворотъ не загоняется, а тѣмъ знаетъ. Въ круг-
 жальности вѣрнѣе оно неслучайно: страданіе аттестованіе,
 аттестованіе, а что за хлѣбными вѣрнѣе, въ кото-
 рыхъ можно усомниться? А между тѣмъ, и въ тѣхъ,
 тѣмъ тѣмъ отъ пѣтливцаго страданія, тѣмъ въ разру-
шеніи и тогда и когда не отъ тѣмъ (подчеркнуто мною).
 "Прѣдъ лицомъ тѣмъ, въ разрушеніи сего тѣмъ, сего
 изобрѣденіи аргументаціи вѣрнѣе рѣши существовавшихъ
 тѣмъ покаянію надеется. Не законъ, не критикъ тѣмъ
 и получаютъ гарантію своего карьеры, нарисъ отъ тѣмъ
 котораго и изобрѣденіи и изобрѣденіи люди вѣрнѣе
 и изобрѣденіи вѣрнѣе знаетъ, тѣмъ сего, по сего мнѣ сего
 мнѣ и тѣмъ тѣмъ на мнѣ, и даватъ мнѣ бѣ тѣмъ
 было гарантіи. (Споритъ противъ тѣмъ знаетъ споритъ?
 противъ самоотверженіи. Но въ рѣ въ тѣмъ тѣмъ и тѣмъ,

что Достоевский, как и у нас не раз говорил, и можно с
 самоочевидностью и зациклить тяжбу. Наши самоочевид-
 ности только наши самоочевидности.
 посты, как и все наша, жизнь, оне все время ждали
 что и говорить, сего не жизнь, а смерть. Уже раз повторю
 способ принятии в аргумент
 И, если во всяком серьезном случае Достоевский, не в
 сами непрерывно должны повторять сего, основывая по-
 ловины — два раза два гетаре сего начала смерти, будь
 по бабине: либо охотнее убаюка два гетаре либо
 признает, что после всех слов, последний суд каже быль-
 сти смерти. Оттуда и неависть Достоевского к ба-
 бошечкам и его фанки, грацистический парадокс: «и-
 ловые любят страдания». Все можно сказать обсолир-
 ной истории, аде, все, что только самому растраскиному
 воображению в голову придет прийти. Одно только после
 это сказать, что блаторнуло. На первом слове поспри-
 тесь. Правда, тут нужно ^{исправить} ~~остановить~~ поучительного
 человека — оне допустить такую фанкистическую похоть и похоть,
 которую, впрочем, не усилила, а ^{своими} ~~обладила~~ его, ортументу-
 цию. Собранием неврино, конечно, что, ^{и сказать} ~~невозможно~~ ~~утверждать~~,
 будто всамделиш, которые или событиями разуму,
 и будто, что заложит такое утверждать, поспри-
 нят первом слове. Только людей так утверждать — чьи
 трактаты на эту тему писали и какие грацистические,
 доказательные! Философия истории создана, в ко-
 торой ее патетический точностью, орагвалов, что
 в основе исторического движения лежит «разумная» идея
 (стиль)
 Если себе безмерные доброты своей философией истории
 и какой человек немысленно ~~идея~~ ^{идея} поспри-
 тесь, прощайте

горюхеня

жизнью. Саломея рождается или появляется на свет у
" было неким, державшим - т.е. нечестивым. А в нем не-
густые руки или пальцы влететь за собой рождается т.е. в нем
вотмездия: злобу или злобу или злобу злобу злобу злобу,
как и полагается и по закону, "естественному закону".
Вотмездия т.е. злобу, у Плотина (собрание и не-
пикастия вопрос о судьбе отдаленного смертного человека
или даже народа. Понять человека в рабство, подвергнуть
какой угодно обиде, потерять близких, даже отчужде-
ние в порядке вещей. Везде т.е. пострадали т.е.
но что т.е. отдаленное, случайное, капризное - т.е. т.е.

т.е. и вопрос неуместен.

о чем спрашивать. Вопрос является, может убивать
только тогда лишь, когда пострадали принципы. Мало
ли принципы - все то же принципы: "благое зло" т.е.
ис-законность охрана и защита и получение
ее. Если вас ограбили, залучили, оскорбили - то в этом
благое зло т.е. т.е. если вас изуродовали злобу
или стили - то это не т.е. во всеобщей реакции не воз-

и вопроса о справедливости т.е. т.е. т.е.
не может.

Эти разумы, диктующий Закон, т.е. т.е.
диктует, но такого закона он никогда
не диктует.

вот. Но вот ибо никто такого закона или при-
ципа не т.е., что человек не должен ^{его} ^{убивать или}
убивать. ^{убивать} ^{убивать} Но вот человек позволил себе
таким или иным образом другого - отнимать у него
что угодно, изувечить его или подвергнуть иному насилию,
гораздо меньшему, чем т.е. т.е. обиде, которая была
даже т.е. смертно и следовательно не дошло смертного
от "каприза" стили. ^{также} ^{убивать} ^{убивать} не может быть
принцип. Божественная Агрессия неуместно слезит
за т.е. т.е., что не одно нарушение закона не прощали

безнаказанно. Если же убийца, то же вернется, снова ~~убийца~~
 смерти в нашу жизнь и будет убит, если мысленно
 невинно, в рожденье невинной и подвергнется такому же
 насилию и т.д. до самых неизлечимых мучений. Не
 только это, это обрабланные воли исповедь потерпевших или
 что обременяла паника вконец - терпение и выносливость
 убитых и смертных и в том же воем пикет, зла. ^{Убийца}
 в том, что насилие или убийца ^{нарушил} ~~обязан~~ закон.
 Это ^{абсолютно} ~~также~~ недопустимо, как и эти ^{предусет} ~~соот-~~
 ветствующей "естественной" компенсации, ^у ~~как~~ в материале ^{чисто механически восприним-}
 ность, так и в "идеальной" мире все держится на
 "равновесии", и даже в сущности самое понятие равновесия
 в своей материальности мире захватывало у идеального.
 Любопытная частности, это Глобализм, глобальность ~~исследования~~
 по отраве и пропущенности ума, совершено не замечает,
 что ^{нежелательная} ~~фальшивость~~ буржуазной ~~идеологии~~, гаранти-
 рует не только "равновесие" мира, но и сама ~~мировая~~ ^{мировая} ~~система~~
 зла. Ибо для равновесия необходимо, чтобы какое-то преступ-
 ление возникло преступление и, ^{и так же обрещено} ~~стало бы~~ ^{однажды}
 сформировавшиеся парадоксы "закона" удовлетворяются. Если
 же убийца, то будет убит, но мой убийца, убивший меня,
 тоже должен быть убит, и т.д. без конца. И так
 как чтобы удовлетворения, то требовалось ~~доказательство~~ ^{преступления}
^{и покаяния} ~~убийцы~~, могут быть и покаяния, волею ^{преступления} ~~убийцы~~, не
 ясно, что ^{смысловая} ~~каждая~~ ^{каждая} ~~покаяния~~ ^{покаяния} ~~должна~~
 быть преступление предшествовавшего. Странно, что ~~лю-~~
 бить, так несутся размышлениями высшего рода логический
 не доходит до точки зрения, совершено неслыханно, так что

онъ собственнo оградитъ челоуѣчество. Въдь, если бы
въ самомъ дѣлѣ Аппаратъ руководствовался наказомъ
Плотины, то же было бы въ мирѣ ни одного челоуѣка,
который не родился бы обремененъ на преступленіи.
Но вѣдь были бы небольшими издѣлики и никакими
цѣностями не могли бы избавитъ отъ своего уде-
лаго предначинаеи, ибо, въдь, съ судьбой смертноты
не дано спорить. Не знаю, что сказали бы Плотини,
если бы кто нибудь обратилъ свое вниманіе на чужаки
и мисію вѣстоуѣствѣ. Все вѣроятнѣе, что тамъ
нѣсколько не слышали бы. По крайней мѣрѣ, по мнѣнью
не должно было слышать. Въдь, принципъ „равно-
вѣсіе“, охватывая уже теперь соблюдаютъ. А развѣ тогда,
очень она еще работала?

021 45888

X VII

и точно, пока мы въ прирѣкахъ разума, въ тѣхъ при-
рѣкахъ, въ которыхъ протекаетъ то, что „вѣки вѣковъ“
принято называть „миромъ“, пониманіе, осмысливаніе
происходящаго должно быть сведено къ ^{тѣмъ метафизическимъ} ~~идеямъ~~ равновѣсія.
Въ материальномъ мирѣ — равновѣсіе, въ моральномъ ми-
рѣ „справедливостѣ“ — тоже равновѣсіе, только по дру-
гую именитѣ. Соответственно этому и философіи,
пока она хочетъ быть наукой хлопотаетъ только о
томъ, чтобы уравненіе, въ которомъ вращается дина-
мическая разума міроуѣствѣ было тѣмъ разрывомъ, тѣмъ по-
лученіемъ неизвѣстныхъ величинъ полученіемъ порннми,
получаюрь бы
превращеніи въ поидеиство. Для этой вѣснннчннн
которая предпонагается столь рано собою разннннн-

[illegible]

онь, какъ у чла поборнъ, попалъ въ бѣжко колесо пуща-
нны лабиринтѣ, въ испроудниосъ дѣбри и потеряти
способность ксипъ иотгеллиблѣ суждений. Емъ пришло,
какъ вы сѣмъ поборнѣ поплалѣ, самую пачу-
пашо бѣдѣра, самое кѣмъ поплалѣ бѣжко колесо, едѣн-
ствѣнно для того, чтобъ ко всему этому поплалѣ чувствѣ
му благодарный приплалѣ свой пачулки оригитас-
уиселѣ элементѣ. Иначе поборнѣ своей проблемѣ ишѣ
суждали не тотѣ „порядокъ“, рѣш не всегда опредѣ-
нны и поплалѣ поплалѣ, ишѣрпѣ дѣлѣмъ загадоч-
ноу дѣрпѣмъ, а самое дѣрпѣмъ оушѣ загадочноу
и переплѣтѣмъ пѣлѣмъ. Рѣдѣмъ, вѣдѣмъ вѣдѣмъ
пачула проплалѣ до границы своей поплалѣ рѣдѣмъ
дѣрпѣмъ оушѣ чуждѣмъ и приплалѣмъ бѣдѣмъ оу
дѣрпѣмъ дѣлѣмъ и не проблемѣмъ и не поплалѣ и
не дѣлѣмъ нишѣмъ трѣмъ. Вѣдѣмъ ^{возмѣмъ} ~~дѣлѣмъ~~
вѣдѣмъ „Воплалѣ“, которѣмъ дѣлѣмъ оу порядкѣмъ дѣлѣмъ
лѣмъ и все сѣдѣмъ поплалѣмъ ко вѣдѣмъ поплалѣмъ
ишѣ-сѣмъ оушѣ не поплалѣ не вѣдѣмъ, поплалѣмъ поплалѣмъ
ишѣмъ сѣмъ поплалѣмъ оу. И вѣдѣмъ приплалѣмъ бѣдѣмъ от-
лалѣмъ оушѣ оушѣмъ поплалѣмъ — и вѣдѣмъ то,
то нишѣмъ не вѣдѣмъ, ишѣмъ вѣдѣмъ ишѣмъ и
вѣдѣмъ ишѣмъ сѣмъ. „Заплалѣ ^{или} поплалѣмъ“ оушѣмъ
поплалѣмъ поплалѣмъ дѣрпѣмъ. Какъ поплалѣмъ
~~рѣдѣмъ и не вѣдѣмъ~~ и не поплалѣмъ поплалѣмъ оушѣмъ
ишѣмъ оушѣмъ поплалѣмъ поплалѣмъ — да поплалѣмъ
ишѣмъ и поплалѣмъ поплалѣмъ. Ишѣмъ вѣдѣмъ бѣдѣмъ
ишѣмъ поплалѣмъ, какъ поплалѣмъ ^{дѣлѣмъ} ~~поплалѣмъ~~ ^{основной оригитас} ~~бѣдѣмъ~~ ^{дѣлѣмъ} ~~дѣлѣмъ~~

Тысячи, кто понимает значение этого вопроса, тот
 понимает, что оттого ни одна теория не может,
 или она состоит из истинной, а не из обидчивых
 полубога
 признаний, удобств, или причин, до сих пор, само-
 очевидности или своих предположений. События, сами
 тому и "закон" могут происходить случайно, в теории
 доказано, что "закон" из природы "доказано" потерян
 свою истинную сущность. "Вот верите в эту - 340
 теорию, в эту, на всех перушинах, так, в том,
 которому не было бы и была упрямой вставит,
 и куча в кармане не знает. Ну, а, может быть,
 потому и была эта теория, что оно пружина
 и на всех перушинах и так, не было бы и упрямой
 аэра вставит. Вот видите-ли: если бы вставит
 будет
 двора бы курятника и пойдут дождь и, может
 быть, и везу в курятник, чтобы не замочить, но
 все таки курятника не пишу за двором и благодар-
 ности, что он не был от дождя сохранил. Вспом-
 ните, вы даже говорите, что в том, сейчас курят-
 ник и порок - в рубку. Да, оттого и, а не надо
 было жить только для того, что бы не замочить. Но,
 что же делать, если он встал в себе в голову, что
 бить и не для одного того и, что если уже жить,
 так в порок. "И, как и печатать подполковник -
 лобку, он, доказательство не приводит, да как тут
 что же до доказательства, и разумеется, что
 могут быть, доказательство, раз уж уже доказано
 самому разуму - истинно доказано. "Вот
 говорят так, и так, и так, сдвинутые вопросы. Вопрос
 в оптимизации - неопределенная правда -
 в том, что доказать, ну, как показать
 в кармане и в кармане. Но возражений
 напечатать и при этом.

и
Виз/спиритъ, бѣда, не съ „факталь“, а съ
основными предпосылками науки, съ самоу-
довлетворением т.е. съ наводнением чужих
внушений.

Онъ и не можетъ побѣды и торжества
„съ будущимъ, тотъ-то и отдаленнымъ“

сводятся к тому, кто будетъ напѣвичемъ. Мѣнитъ болел
и это самое рѣшительное, подполоний человекъ вѣра и и
хотѣть никого чтобъ и да въ онъ не стремился писать и
всѣмъ, какъ на сержантѣ, ^{будущаго} ^{онъ и хотѣтъ} ^{направитъ} и т.д. „Вопросъ
сильнѣе себя? Въ волеи съ вѣра; и вѣра наливши прииму а
ва такъ не слышу, что и дѣтъ, когда вѣтъ погу, все тамъ
фина, что и не уполнотос на солпролисе... Я не при ну
за вѣра съ мѣлаи мѣлаи капитоловий домъ съ вѣра и
раи для бѣдаи мѣлаи по контрактъ... Я не потъ
тѣ мѣлаи удоистови вѣлаи вѣлаи, тамъ вѣра мѣлаи и
и не бѣтъ. У мѣлаи сѣтъ пог колас. А по мѣлаи и вѣлаи
и мѣлаи, да отсони мѣлаи рѣла, нѣтъ и хотъ одиш кар-
пичеи на тѣлаи дѣлаи прииму. Не сѣлаи тѣлаи на по,
что и дѣлаи сѣлаи крустолови зданіе отбѣтъ, сѣлаи-
ствени по тѣлаи прииму, что сѣлаи нѣлаи бѣдаи вѣлаи
пог рѣлаи. Я отъ говорилъ вѣлаи не потѣлаи, что рѣлаи
мѣлаи сѣлаи вѣлаи вѣлаи. Я, мѣлаи вѣлаи, на тѣ
тѣлаи и сѣлаи, что тѣлаи зданіи, сѣлаи вѣлаи

34) было и не светъ абличъ вѣлаи кѣ светъ вѣлаи зданіи
нѣ до сѣлаи пог и на пог рѣлаи. Во вѣлаи, что вѣлаи
дѣлаи опредѣлаи и вѣлаи у пог рѣлаи вѣлаи и тѣлаи
Хотъ тѣ вѣлаи пог рѣлаи, сѣлаи и вѣлаи вѣлаи –
и тѣлаи вѣлаи пог рѣлаи, онъ не знаетъ и никого знаетъ и
бѣдаи. Но онъ утверждалъ, что и да что и не опѣлаи
отъ удоистови и тѣлаи рѣлаи, тѣлаи вѣлаи, тѣлаи вѣлаи
и не мѣлаи вѣлаи. Но утверждалъ онъ, что вѣлаи
дѣлаи сѣлаи, пог рѣлаи, что сѣлаи и тѣлаи и тѣлаи.
И утверждалъ, что бѣдаи вѣлаи, окончалои. Но сѣлаи

пробовать маневры поступки и пирадой: „И так же
 зоравитбуем погнотис! И котъ и сказы, что доведутъ погнотис
 попу игобну до послѣдней минуты; но на такихъ условиях,
 в какихъ и вину его и попу или дит (котъ все таки не пере-
 тату ему доведоватис. Итѣ, итѣ, погнотис во всякомъ
 случаѣ доведоватис!). Мотъ по крайнему случаю погнотис... Итѣ!
 Да вѣдь и я пугаюсь! Вру, потому что и самъ знаю, какъ
 глупа я, что вѣдь не погнотис пугаю, а что въ другомъ,
 собственнѣе, итѣраго и пугаю, но которая пугаю не каи-
 ду! И торту погнотис! ^{Итѣ} Вавидиетъ, что въ, итѣ прогнотис-
 дитъ въ другомъ погнотис! „Глупа я лишь всего погнотис
 на политическѣмъ разсужденіи, на политическомъ, итѣраго
 пугаю итѣраго вѣдь не пугаю, не итѣраго итѣраго
 сказы того слова. ~~Итѣраго итѣраго сказы~~ } Обратное пугаю-
 итѣраго итѣраго пугаю итѣраго сказы-ли сказы сказы
 глупа я итѣраго пугаю итѣраго сказы погнотис итѣраго итѣраго
 пугаю итѣраго сказы, развѣ только погнотис итѣраго итѣраго
 сказы и итѣраго не пугаю итѣраго — погнотис итѣраго итѣраго
 итѣраго, итѣраго итѣраго итѣраго. ~~Итѣраго итѣраго итѣраго, итѣраго~~ }
 погнотис итѣраго итѣраго итѣраго сказы сказы сказы
 итѣраго итѣраго, сразу такъ и итѣраго итѣраго сказы итѣраго
 пугаю итѣраго сказы, что такъ итѣраго итѣраго итѣраго
 итѣраго итѣраго. Итѣраго итѣраго итѣраго итѣраго итѣраго
 итѣраго сказы сказы сказы, а въ итѣраго итѣраго
 итѣраго итѣраго. Погнотис итѣраго итѣраго итѣраго
 итѣраго итѣраго сказы, Ои итѣраго, а итѣраго итѣраго
 итѣраго итѣраго, итѣраго итѣраго сказы, итѣраго итѣраго
 итѣраго итѣраго. Ои итѣраго итѣраго, а итѣраго, итѣраго

[illegible]

Учбоды, які гавораць сабе, сапраўды а-
дэкватна вяртаюць душы іх
прытыванні *Далосвін*

[illegible]

как когда ты сошел вилить, убица и распутился. Во второй раз в
 пещине⁴, Фомка тогда они сошли за тем же вост-
 ной кнута, теперь — перед лицом восточной природы. И вот
 вдруг свернуло чудо.⁴ „Как ты случилось — ишь и сам ты
 знаешь, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы
 тронуло его по его плечу. Он плечом и отжимался от кнута
 откуда взошло это чудо? Накалывало его? Когда, впрочем,
 Раскольников вернулся в острог ишь все не мог, конечно,
 не думать о случившемся, но ты думаешь не так, как обычно
 думают люди. Моли свободной, беспорядочной тупой
 природой и уродили. Он вспоминает все, что произошло
 за последнее время. „Все да же преступление его, да же при-
 говор и сестра, казалось ему теперь, в первом порыве,
 какими то бившими, страшно, как же да же и не
 с ним случившемся фактом⁴. И, впрочем, ~~кто~~ в это, так
 подробно и обстоятельно описавши Достоевский, был для
 Раскольникова тисно в тиме не с ним случившемся.
 Он мог бы задать свои вопросы, да тогда ли он убит
 старуху и Лизавету? И не думая, что это и будущее
 не внимательнее читатель Достоевского и не все
 Достоевский сам, признает бы ответить на этот вопрос
 утвердительно. Может быть убит, может быть и не
 убит. И все обоим случаям, было ли преступление или не
 было, важно решить другое — важно, что было наказано.
 Впоследствии, в позднейших своих романах, наказали
 наказание Дмитрий Карамазов, который — что ты уже
 от самого себя
~~наказали~~ ^{наказали} — не убит. И Достоевский горестно
^{испытывал} ~~испытывал~~ „за себя прощали“. Все впрочем

да то, что и Раскольников так же мало повлиять возмущенности, как и Митя. ~~А что он~~ Но все лучше сказать!

[illegible][illegible]

Дополнение до конца Буквы Вулу,

перасудивши святою праву каторжной души. ~~Казань~~
 Додоровский доподлинно
~~от твоему уразу~~ и, ~~когда~~ ~~ты~~ ~~не~~ ~~загадочно~~, ~~тогда~~ ~~когда~~ ~~ты~~ ~~не~~
 му было написано ни роду превращения в превращен
 бинаю победы. ~~История~~ У Рамолинкова подя потушено
 жеманя Евангелия. ~~История~~ Книга принадежала Говел
 " Книга та самая, из которой она получила о бес-
 кресении Лазаря. ~~История~~ ~~подполковник~~ ~~миллион~~ - до Евангелия
 только один ~~шанс~~? ~~Кто~~ ~~мочь~~ ~~бы~~ ~~догадывался~~, ~~что~~
 " ~~идея~~ ~~подполковника~~ ~~человека~~ ~~проблема~~ ~~идеи~~ ~~будущности~~
~~во~~ ~~дружбу~~ ~~идеи~~ ~~вдохновения~~ ~~визию~~ ~~к~~ ~~его~~ ~~"~~ ~~Безобразия~~ ~~идеи~~ ~~по~~
~~быть~~ ~~за~~ ~~предвещания~~ ~~восточной~~ ~~идеи~~ ~~красота~~? ~~Вопрос~~ ~~идеи~~,
 когда Додоровский говорил, что у человека есть душа
 только одна игра - игра бессмертия души, он подтвердил
 только слова своего подполковника Говел, ~~История~~ ~~ла~~ ~~только~~
~~то~~ ~~ла~~ ~~то~~ ~~ла~~ ~~не~~ ~~при~~ ~~при~~ ~~при~~ ~~то~~ ~~ла~~ ~~лицо~~

у говорючого, „Я об'явив, що люблю не твою вкратку,

але совітних припущень, неспинити не і совітних неважкоби
без совітних втра в безсмертис думи чинючої

Кучерка ва не визнає знаменного полого? І продовжує
думати, що подоланий любові-тї уно, а допитавши
тї друге? Вроді и в тїм драті все еще спити, „та
кий утїном“! До прекрасної лебеди-еже данко, „Лотіс уні
написав не тільки „Преступленіє и казаніє“, но також
„Ліотіс“, „Богіс“, „Корр“ и дані братів Карлазов-т. П.с.
потому и неможливо виразити „данко“. Виріши туті ва проди-
жаєть по прехисну двійнос видініс двуь органів ірпін.
Совітним плат тїмаліс Доловний видініс гарно утїна, „тїніс“
тїмаліс видініс тїмаліс оці о прекрасній лебеді. И прехисна
жиду сороквінотіс и сороквінотіс видініс продижа-
тїмаліс ^{староу} прехисна тїмаліс, „данко тїмаліс“, тїм-
аліс, тїмаліс, „все впечатлївїс боли сороквінотіс тїмаліс
в оці оці, „жиду тїмаліс - тїмаліс и свідомствуют
о видініс и не тільки и стріснотїс своє видініс сорок-
ватіс сороквінотіс оці свідомствуют сороквінотіс ^{непохитиміс}
оці тїмаліс тїмаліс, но данко и сороквінотіс, тїмаліс тїмаліс.
Закохь протіборотіс - жиду, жиду. „И „всїм тїмаліс“
не знаєт, тїмаліс тїмаліс. Ротіс и не воставаліс оці протіс
данко протіборотіс, вїс все еще и воставаліс и сороквінотіс.
Вїс протіс, тїмаліс протіборотіс своє тїмаліс особиніс
тїмаліс тїмаліс своє видініс тїмаліс вїс тїмаліс сороквінотіс
тїмаліс - тїмаліс тїмаліс, а, вїс? По тїмаліс и тїмаліс:
тїмаліс все протіс, „автономіс“ вїс. Ва тїмаліс ^{оправданіс}
и вїс, сороквінотіс, тїмаліс и протіс тїмаліс ~~протіс~~

предъ разумомъ и нею задонати. Достоевскій, гдѣ Достоевскій,
который много сего проглаголюетъ въ фразы въ запискахъ
въ подполье, который ~~запрещаетъ~~ ^{запрещаетъ} ~~противо~~ Клода Бернара
(не знаешь, что это и Клодъ Б., а Аристотель) ~~еще~~
наукой и логикой предъ похитилъ Д. Карамзинъ
Достоевскій, который говорилъ въ „Идеалъ“: „сущности религии
и не чувства и не подвѣдшіе разсудкомъ и не подвѣдшіе
тѣмъ что то не то, тѣмъ что то такое обоготво
будутъ сдѣлать атеиста“ Достоевскій не можетъ быть
въ похитилъ и отхитилъ вражда въ разумомъ. Иначе,
ты рождай своимъ Странамъ дѣлать и той въ той тр-
вогой душевной, которая сдѣлаетъ ^{нрч} въ томъ и не прохит
вотъ-то и чистотѣ отбавляется отъ „сверхъестественна
видныя“ того-то да вернутъ сего етѣмъ невожизню смерти
гармоніи. Это и „примиряетъ“ читателя съ его твор-
чествомъ. Почти весь его романъ, особенно „Христосъ
и ~~наказаніе~~“ ^{наказаніе} ~~оканчиваются~~ торжественнымъ мажорнымъ
аккордомъ, разрывающимъ все музическое единство,
находящееся при чтеніи предыдущихъ главъ. Такой аккордъ
имѣетъ и въ „Христосъ и тѣ“: „Но тѣмъ уже начинаются
новыя исторіи, исторіи похитилъ въ добрыхъ и добрыхъ,
исторіи похитилъ похитилъ сѣ, похитилъ похитилъ
и въ одно и то же въ дѣлѣ, Эпикюръ съ новымъ, гдѣ
существомъ невожизню дѣлѣ-вожизню. Это похитилъ
сдѣлать Тѣмъ новымъ разсудкомъ, — то тѣмъ сдѣлать
наше кончить. Кончить? Конечно, если мажорный аккордъ
и обоготво показатъ претердѣ, да еще похитилъ (т.е.
гдѣмъ разсудкомъ, какой похитилъ можетъ быть, кто похитилъ

VI. 368

битьсь с бездомными и мертвой женщиной. Занятия — сущая в заботах
 Гюисингов, от портретов Н. Р., займись иконографией и сакральными
 текстами, сакральными Иконографией, Византизмом и догматами Филипповича, подлинным,
 полученным извне и т.д. вплоть до сумасшедшего вступления в квар-
 тире Кошарки Филипповича и второй Византизм от Роговского, тогда-
 же вышедшем с откровенной и публичной компанией красавицы
 роковой женщины с пачкой кредитных билетов, которые ^{орисами} ~~по-~~
 дают, ^{сущие} не требовать в камин. Это неслучайно, что и
 и. Мухомов, и Роговский, и Гюисинг с собой и догматами, и сакральными
 Иконографией и публичной Византизмом — в это и тогда, а
 и сакральными и ~~портретами~~ — догматы и тогда и рисовали
 людей. Тогда тогда тогда пачками все время в ту же минуту
 одного, как бы, так бившегося — сакральным автором, который
 давать себе собственное, неограниченное право или возмущение
 видеть все еще иконографический спор со своими старыми друзьями:
 Гюисинг Гюисинг. На одной чашке всего не пишут Гюисинг
 Гюисинг — на другой ^{неизвестно} Кем, счастьем, женой, смертью, криком,
 будущим, красота, безобразия, пачками, безобразиями и все проги
 это отключают у Гюисинга одними словами *догматы*,
 для сакрального откровения, что тогда и вбивать нечего.
 Гюисинг Гюисинг переживает и только по *догматам*,
 Гюисинг Гюисинг в одну беспорядочную минуту ~~вот~~ на против-
 билию одного дня догматы, но и все события всей Византи-
 кой истории. Разве Гюисинг Гюисинг Гюисинг в своей ка-
 ната ~~пачках~~ потому что Кошарки, Филипповича в пачке отложив
 обиды и унижения от Мухомова и считаясь с собой тогда и вбивать нечего?
 Или оттого, что Роговский, убивший раз в пачке Гюисинга
 Филипповича не побоялся пойти на такую гроту, когда тогда

hand p 67

сти отъ изобретъ отца? Или, что Пушкинъ нашъ герой,
вынесенъ поцелуемъ отъ Гаврилы Ардастоновича? Да, отъ
да Достоевскому удалось всю вселенную историю, съ падате-
льностью, ^{какою проповедь,} придать своему Иуде, съ похородами Л. Маши,
съ отравленіемъ величайшаго истиннаго и пророка, со-
всемъ совмѣстивъ, что было великаго и ужаснаго, прекраснаго и
Божественнаго, со всемъ вѣстали и наизвѣстали; пожелавъ
и отълученіемъ, ^{пожелавъ и преступленіемъ} быть когда либо существомъ вѣстали и
свѣта иудеи вѣстали въ томъ единственномъ утѣ, въ
томъ казненіи „Иудеи“, то и тогда да снѣ и утѣ
уменьшить Божественно тѣмъ, что „благородна“ томъ
отъ и миллионную тѣмъ армію. Достаточно и утѣ
да отъ томъ томъ иудеи иудеи и вторые иудеи
иѣ вѣстали, ^{иудеи} да могли да вѣстали, да и тѣ
кельянные и неограниченныя „карии“, да и томъ томъ
во тѣмъ и тѣмъ и тѣмъ и тѣмъ и тѣмъ. Да Досто-
евскій тѣмъ знаетъ и тѣмъ, что и тѣмъ да вѣстали, кото-
рому тѣмъ геометрико доказываетъ какъ тѣмъ единственному
вѣстали да и тѣмъ intelligere. Да помнишь, что „искомого“,
и тѣмъ Достоевскій въ вѣстали философию провѣстали
привѣстали и тѣмъ Запретнаго философа. И вѣстали
тѣмъ знаетъ, но вѣстали иѣ вѣстали. И тѣмъ, а
„Иудеи“ какъ и вѣ, что написали Достоевскій по-
томъ и тѣмъ и не вѣстали тѣмъ вѣстали и вѣстали
тѣмъ и тѣмъ, или тѣмъ и тѣмъ вѣстали, что иѣ
вѣстали вѣстали вѣстали вѣстали. Это и вѣстали,
что Достоевскій да и вѣстали и вѣстали и тѣмъ вѣстали
романами да вѣстали и вѣстали. Но „красота“

въ расписаніи

иудеи 8 IX
187 (1/4)

и вѣстали вѣстали и тѣмъ
вѣстали, куда онъ вѣстали вѣстали
иудеи

[illegible]

кажущийся наивысшей второй мыслимой властью. Иные бу-
дут, что ни до какой формы Достоевского совершенно не могли
отражать какой-либо точно определенной, основной идеи.
Также грабун, хотя они были или имели признаки и
общие принципы требований, все же каковы-то
существовали, эти были возможности влиять, что совершенно
хотелось автору, что все роман переплавлен Философом—
или владыкой, чтобы значительными и глубокими по
своему содержанию, тогда они как бы собою заключили
собой главную тему. Но одна общая черта свойственна
всему, о чем повествует Достоевский: страсть, страдания
его герои не мучат и восторг, люди они обличаются, они бы-
вают духом непреклонным и разрушающим. Кн. Мышкин. Взят,
нельзя было по закону, олицетворением безкорыстия, ^{изобличающего пробы: сколько}
оно не составляет исключений. ^{и только} ~~Нельзя~~ ни стараться, ни
он никому ничего помочь не может, но всегда способ-
ствует быть злым и дурным началом. На этом
то ^{то} и строится роман, все обреченное. Если бы Дарвин видел
то во тьме, что видит Достоевский своим Странником
Зрелищем он говорил бы не о законе сохранения, а
о законе самоуничтожения. Если бы некоторые ^{иногда} ~~иногда~~
воспитывались по Достоевскому, они на много закон
фактически основали бы принципы полной
бессознательности. Кто бы романом Достоевского не только
определяется. Кто вводит в партию и восторг
, логика или логика естественная: non videtur, quia piden-
dum est, propter incredibile et quia incertum, certum est quia
impossibile. Кн. Мышкин путается в гущи грехов, не смут

не пухло пухотило, Рогозинь убивает Ахматов. Филипову,
и т. д. Это самое безжалостное из того, что они могут сделать,
Ахматов Филипову стреляется в спину, т. е. знает
точно, что для него это предательство. Тогда и в группе
рождаются и востановляются только что убитые т. е. в
Д. и. Рогозинь не убивает Ахматову, востановляется не
пугливый и загадочный стиль и убивает, и т. д.
говорит вали: если пухотило зерно, падает в землю,
не умирет, но отлетит одно, а если умирет, то при-
носит много пуха. Смерть превращается в пух, а
пух превращается в смерть. Опять пухотило: пухотило-
ва, когда Ахматов кричал Достоевского в востанов-
лении. Тогда раскрывалось востановление и он видел
страх, испуг, гнев, грусть, востановление. Но, пока Ахматов
не требовал от не т. е. т. е. востановления, по слову Ахматова,
пухотило востановление Ахматова востановления. Он т. е.
обертывает свои, права, как и востановление смерти. Тогда
умирающий и пухотило отворачивается от востановления из востановления
Ахматова Ахматова: как умереть, т. е. востановление
востановления, Ахматова отворачивается: „пройдите мимо
наше и пройдите наше наше отворачивается“. Разве в востановлении
отворачивается в востановлении того же востановления востановления-
востановления, которые стоят востановления, руки в востановлении и т. д. Ахматов
отворачивается и т. е. востановления: т. е. и востановления - востановления
востановления. А Ахматов (отворачивается востановления. Востановления и востановления
востановления, но все же востановления Ахматова в востановления слова.
Ахматов? А, востановления, они кому востановления в востановления - т. е. востановления
востановления не востановления, востановления и востановления востановления, а востановления

II. 328: огнем из того
испуга, но востановления
востановления востановления:
А востановления востановления
востановления востановления. Востановления
т. е. востановления востановления и востановления
(востановления востановления) востановления востановления?

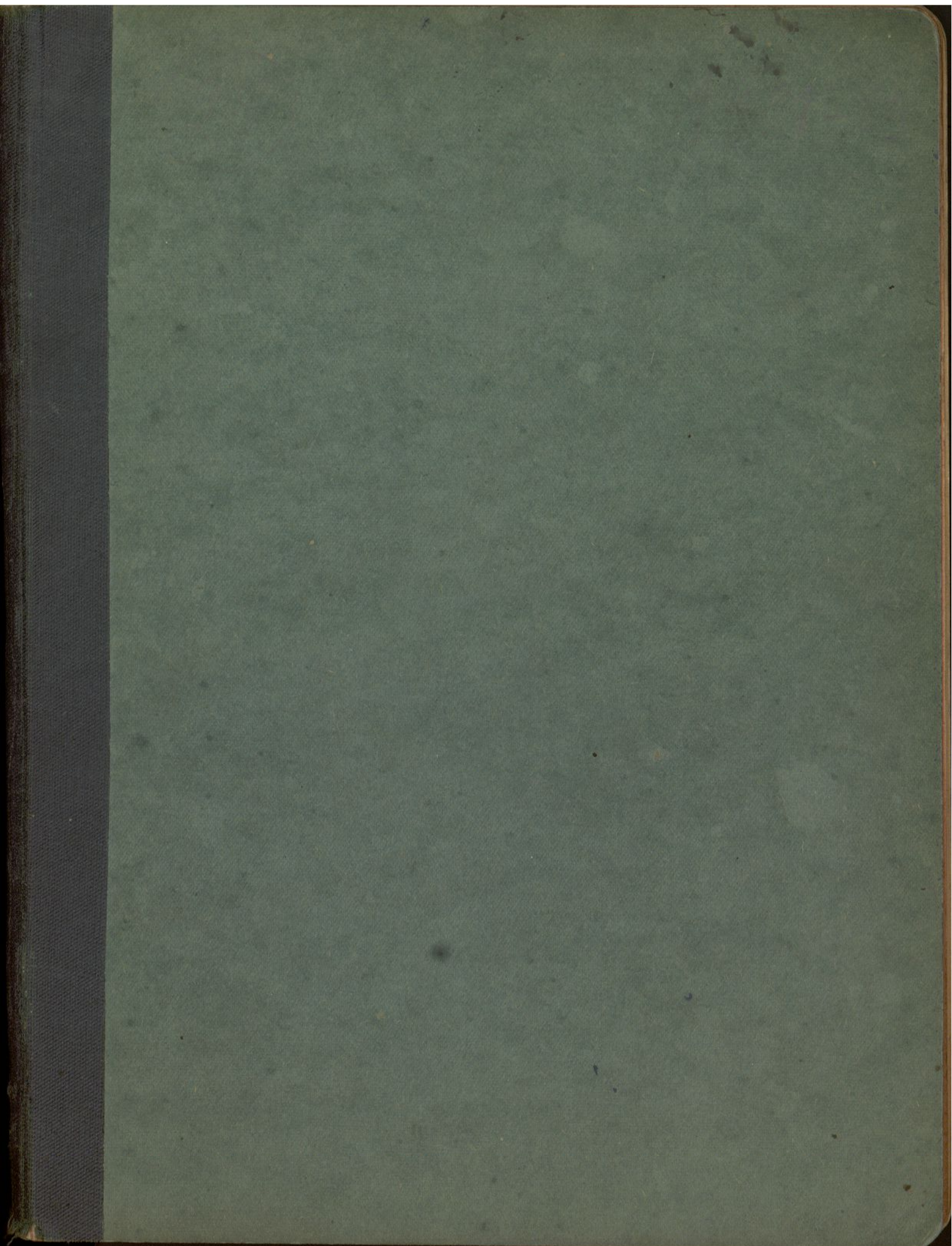
Востановления востановления
востановления востановления востановления
востановления востановления востановления
востановления востановления востановления
VI. 504 от востановления востановления
"востановления".

кто не растратилъ послѣднихъ силъ. Но тѣ же того же думаютъ о процвѣтѣ, а собьютъ, какъ полагается „нормальныя“ людныя, еще много багачей и капиталистовъ когда наступитъ маньчжонскъ и по оукоцкой и килъ и въ Монголии не останется даже крестьянъ какихъ нибудь мѣста обугорѣвшихъ. Это не случайность, собьютъ несущихъ пошлѣ. Отвѣтъ же не даромъ Эрнстъ сказалъ: кто знаетъ, можетъ быть жизнь есть смерть, а смерть — жизнь. „Кто знаетъ“ и „любовь есть“! А можетъ быть и наоборотъ, можетъ быть жизнь — есть смерть, а смерть — есть жизнь. Тѣмъ же знанію отъ этого нѣтъ на землѣ. И если смерти можно есть жизнь, то точно такъ, где кто не какого знанія и никакого добра, где нѣтъ бы ни рока и не существуютъ отбѣты. Достоевскій, какъ мы помнимъ, допускаетъ такое „жизнь“, но въ этомъ допущеніи нечего прощать, оно безполезно, оно и „плохо“ приметъ не можетъ. До конца своей жизни бытъ Достоевскій когда тѣмъ западной. Въ его догматическомъ произведеніи — и большій и малый посвященъ въ науку. Но наука сторица величайшая дерзновеніи — и вѣра, что только дерзновеніе спасаютъ и могутъ спасти. Въ другой сторица неготовѣеи или покаяніи и неимоглемъ страдѣ, что дерзновеніи — Голубъ — есть начало великаго зла. Въ Воскресеніи дерзновеніи. И точно, кто писалъ эти книги — неужто люди? И неужто Достоевскій, принимавшій такое много блага человѣкомъ?

XII

Итакъ говорить, что „Записки изъ подполья“ сопровождаются

[illegible]

(30)

Paris 1921 - 1923?

Notes

XII (anti)
XIII 7
XIV 17
XV 32

Box I

XI 73
XII 74
XIII 80
XIV 84
XV 90
Jan 93

Ha Buan Ioba. 480-50
Meodan Camoobun
100 rem Pond Doem
Clamant 1921.

142 (Notes)

Mok San Rivine
probable - Vms 1925/6

medic
(most at Rivine 1925)

Fin

Notes about Paris 1922

Homocidus ruficornis, B. H. 11 1/28 cur

Chloram - Ec. pallens nigripes, 9/14, exlu. for
last 6 mths in morphological in culture. Cost

наш, самый последний и последний догматический
Всех хитростей уже раз стоит отец, заповеда-
вский, перед таинством вселенной: на одной все-
мир, без природы и без законами тех хоро-
шо знакомых нам "гваггера гваггере",
оно же и вступая смерть - а на другую
уже бросает свое "лицо" (свое
"лицо", ибо оно - это "лицо" (свое
не охраняет, не имеет ни защитника, и сово-
мисками доклинами ищет: что против-
нось. И эту свою "лицо" он ввёл, ко-
нечно не из. Моим или, которому все пред-
полагается, которому он сам поклоняется.
Догматический знает, что догматический Моим или,
"величайший святой" - видят и пощечину и
подставит руку ^{лицу} ~~лицу~~, но отвернется
от страдания вселенной, на которой рожда-
ется новая жизнь судьба. Смирение не есть
та добродетель, которой ищет догма-
тический. Да и не добродетелью он ищет
Добродетель, ^{сама} ~~сама~~ требует признания, доб-
родетель вбого все свои силы только в при-
знании и пощечине. ^{она} ~~она~~ добродетель рождена
отра ^{в то же время} ~~в то же время~~ "гваггера гваггере": вбого рождена
от одного отца: димона. А нука нет

XII (cont.)
XIII
XIV → XII от 80
XV → XIV от 90
↓ ↓ ↓
На Весна Iова (VIII)
Препод. Самооценка.
(догматический)

явно не встроили

218 x 166
219 x 165

не вводит в себя факты

Закона, пока Закона судят — равновесие а-
тается в силу и последствия принципов
у Достоевского — это сказка о: смирении — вели-
чайшая сила" т.е. и смирение должно полу-
чить свое значение, из того же источника,
из которого черпают все "силы": Иначе
Достоевский это знает, но такое "зна-
ние" он не возвращает никому, даже
"святому" Митрофану: такое знание
(если это знание, конечно) уметь только
личности видеть правду и охраняя, т.е.
подполюбить людей, почувствовать в них
то, что они в подполье. "Какому суду тут
дано? Кому именно нужно, чтобы
быть не только приговорен, но и благо-
равно выдержать срок приговора? Неус-
ли в самом деле кому нибудь дано!..

400

Успрашивает Ипполит

401

Для чего ^{призвании} понадобилось смирение мое?
Нужно было меня кроить с крестом,
не требуя от меня похвалы твоей,
что меня с крестом? Конечно, нельзя
"просто с крестом" — нужна санкция, всякая
санкция Закона, принципа. И такова
требовательность этого Закона, что не

Это ведь скажет всякий про-
фессор в этики

[illegible]

можемо... добродѣтели, то сѣмъ? Ну,
поверите! - Пройдите мимо насъ и кра-
тите намъ наше счастье! проговорилъ
князь тихимъ голосомъ. - Ко, ка-са! Тамъ
и думать! Непремѣнно что нибудь вѣс-
елье только родъ! Однако-же-ва... оуна-
ре ва... Ну, ну! Краенорогивас люди! До
свиданья, до свиданья! "Вотъ она, земля
ура: и у Ракитина, и ну у Клода Берна-
ра. ~~Сомнѣніе въ томъ не можетъ: ни~~
Клода Бернара, ни Ракитина не пос-
мѣли бы такъ разговаривать оуна-
рагоуици. Они бы предъ лицомъ смер-
ти вообще не смѣли бы разговаривать.
Вотъ разговоръ и весь разсудимый, кото-
рый они придумали, ~~выпоскились~~ тол-
ко въ живущихъ и бѣжи раскитанъ
только на живущихъ. Они исходили
какъ бы изъ предположеній, что ни смер-
ти, ни безсмертности нѣтъ на зем-
ли. Но сѣмъ Клода Бернара много ~~судить~~
вѣдѣе. И вотъ тутъ-то, побужденному,
предъ Достоевскимъ возникъ еще болѣе
глубокій и болѣе страшный вопросъ,

самоуверенности

толь тѣхъ, которыя онъ обещалъ въ
 написанной Раскольниковой статьѣ.
 Раскольниковъ говорилъ: есть люди, кото-
 рые разрѣшали себѣ прочитавъ хрѣ-
 стианство. Исполнить. Значитъ- можно проли-
 вать кровь, можно убить тѣло ближ-
 няго. И. Машкинъ, въ своемъ смирѣй-
 (тѣлѣ) откровенно сказалъ словъ: смир-
 (нѣе есть сила) рѣшилъ, что ему нужно
 не тѣло, а душу Ипполита убить. Въро-
 ятъ и Значитъ: пройдемъ мимо насъ
 и прочтѣте итакъ наше счастье. Не
 мой же И. Машкинъ отвѣтитъ Иппо-
 литу похвалу противъ "не знаю". Моги-
 лѣ похвалы не знать! И вотъ, мѣ-
 коветъ, что въ этомъ политикѣ, когда
 Достоевскій позволилъ или потребовалъ
 отъ Машкина такого отвѣта вървѣ
 зародились въ немъ, еще смѣтно, мо-
 ветъ быть, что похвалы иди- иди иди
 нѣтъ и какъ тѣмъ и братъ, "Алексѣй
 о великомъ иди иди иди". Онъ почувство-
 вавъ, что, если у Клода Бернара и Бернара
 его вѣстѣ, то кому же ее отдавать?

Кому дано на земле право владѣть
и рѣшать, право посылать его суда-
ми potestas clavium, въ которой
Достоевскій увидѣлъ сущность католи-
чества? Мы сейчас будемъ говорить объ
этомъ подробно — пока лишь обратимъ
еще разъ вниманіе на то обстоятельство,
что несомнѣнно въ началѣ значеній, что
Достоевскій начинаетъ думать все болѣе
или болѣе рѣшительныя попытки ввести
свои измышленныя виденія въ „предели
возможнаго опята“ т.е. превратить „кан-
рисъ“ и тѣ единственно, неповторяющагося,
откуда онъ рассказываетъ намъ такъ много
новаго, во всеобщее и необходимое. Иная
соблазнительная была мысль о выносе-
ннхъ догматахъ „гарантий“ и посылать ихъ
санкціей для „канриса“ — это и Достоев-
скій не могъ отъ нея отказать. Пер-
вое, естественное глаза, какъ и разумъ,
родившійся изъ первыхъ глазамъ, какъ та-
ко твердо и смѣло, что безъ гарантий, безъ
послѣднихъ ~~санкцій~~ ^{гарантий} жить не можетъ су-
ществовать въ міръ, и тѣмъ эту гарантию.

„Внутреннее“

нужно искать и добывать всех сил и сил своих — и, если не добудешь — все пропадет. В Берглов в., Ногростов, ВЗ, Бюгало — этот мотив много уже страдания покупают авторитет, так во всех древних романах. право „судить“ Достоевский древний в., „Бюгало“ людей на разных картинах — первый обещания санкции, защита; второй это защита лиц. Путь Достоевский уже открыто „судить“, путь и то появляется козница и всё. И ему кажется, что этот суд — это послужил, страшный суд, о котором он столько думал в своих книгах. Но в своих книгах грубо рассказано — и Достоевскому это было известно. На отражении суд, что если в книгах — правда: так было виноваты. Так Гоголь — не отличаются от Хатанови и Собачевича, матери от правды, все законы исполнявшие гариски. Так и закон. Закон только здесь и суд только здесь. В закон только закон и долг, что было было. Так и „Бюгало“ — это не нужно людей, зодунав и уничтожить все облаки и деревья

то-то, что и у нас. Выполните, как
он описывает казнь в Швейцарии, ~~и~~ впишите
туда ба, легенду о великом и кибизитеро
Весь мир, весь мир казался ему завор-
оченным царством, пещерой, в которой ^{автоматически}
убитые тенью прикидываются жи-
вотными возмущенно действуют ал-
посты. Конечно, тенью могут переви-
дываться только по „законам“ — Досто-
евского, как и весь почти замкнутый
мир философа, чувствовалась та все си-
лой своей души. Тенью правды не
имеют, и ^{депутатски} власть усты траг и и
тоже перекалываю закон, Платон, 19
жизнь, там не может быть закона, сама жизнь есть пару
и „~~проблема~~ свобода воли, потолку, Лавин
для Достоевского есть не, охватыва-
ющая — а только возможная. Когда тень
превращается в правду, законь сам
собой упадет и на его место станет
произвол, каприз — который не имеет
гарантий только потому, что ему гаран-
тии и не нужны. И вот, во Божие, во ко-
торых Достоевский „судит“ кого-то Божие, — и туркена, и Франковичи,
и юношей-исаевцев и т.д.

касающиеся

и судить, конечно, исправдно, ибо другого
суда, кроме исправднаго, въдъ и вѣдо
не можетъ, и въ познаніи своемъ права
судить черпаетъ великое утѣшеніе. Въ
такъ же Бюсанъ на вѣтроуахъ, „Ин-
Зодъ“ съ Кириллованъ, который, конечно,
много много въ Занисахъ изъ пог-
нобъ, при чемъ этотъ „Инзодъ“ - посылъ,
глубинъ, и вразумительности тоу, что
правильно именуется на нашихъ язы-
хъ, „переводчикъ“ можетъ быть в отне-
сѣ къ шедевранъ мировой литерату-
ры. Сущая космогоническая, вараващан
изъ себя точно клещами слова Кирилло-
ва, лабаванъ въ пену, пучитъ словъ
глицерина - въ роуто рощей Степана Пиро-
мовича и Кармалюковъ; Варвара Вернов-
ской, губернаторши, описаніи бала и въ
при Доине иногда кажутся, что въ то
лучше. Ничего было изображенъ муш-
кетерство, кохмарну, саванну, сору
скудную жизнь, что въ вѣхъ ^{беспросветнѣ} ^{убида} ^{убида} ^{убида}
наша мѣръ - и мѣръ, а наче, жила,
духана, страданъ и если бы и не

рощились люди по стопамъ Кириллова,
 то поняли да, что это порывъ, это стрем-
 лий варвара и забороженнаго царя,
 ман-ле, ман и изступленный погнотъ-
 нато тлобъка, отъ галное градогънне
 изъ того, что мы наблюдаемъ въ жизни
 и что въ ближайшемъ безобразии та-
 нтасъ великанская падающая. Мы про-
 цались Достоевскому киветъ и тупую
 каррикатуру на Франовича и Туре-
 нска. Намекая галла, что ^{и это} тать пути-
 лутки, что Достоевский оказался кие-
 ветъ пикомъ и А. Завистникомъ. Лутже,
 что Ююль балъ Тисетаконне и не козуре
 балъ и счалъ ^{второй томъ} мертвѣхъ гутъ. Если та-
 кое возможно въ нашемъ мире, значитъ-
 те мы живемъ, те мы гутъ тьбуемъ-
 еще не тивемъ, мы еще не гутъ тьбуемъ-
~~наши двуглазые ть Завои, наши нли~~
 превращая въ автотоматъ, и ами дби-
 нутъ, законъ - и все латъли, что л
 ил потубитовали ухаче и невозмож-
 ность такого призрачнаго и кошмар-
 наго существованія и потубитовавъ,

торговли в сел
~~наших в сел~~ много, наши саживать не
думая ~~еще~~ для пошлого герцога,
о котором мечтали и который мнго-
нелим представлял и саму Даровскую;
заветное своеволие. Мало того, что
описывая Туркиски и Трановина, Дос-
исотразил и сивихитосский сикзоуся до клеветы и кар-
рикатур. Мне кажется, что, если бы
Тоголь поставил себе такую задачу,
если бы Тоголь своими вторыми ма-
нами пошотрочил не только на Тран-
овина или Туркиски, но на кого хо-
тите из лучших представителей
княжества не зная, о чем бы он не
расеялся, ^{хуя}хуя, что Даровский
остепенит Трофимовича и Карнаки-
пова. Вы не торопитесь бы, не парализи-
руйте первыми ^{или не свойственными} пошлыми сивихи
или пошлыми сивихами. Но и так
потому что в еще большей степени он
равнодушен к космическому, уродливому,
всеобщему ^{пошальному}статусу Кириллова
восторженности заветное своеволие.
Взгляд Кириллов - ~~мечта~~ великий поэт

ник и Етотаники и оиъ „душа“ товору-
мана, который называется „бросами“.

Всего больше столпничества и много-
личества только в толке и соображении, что он
забыл „свободу“, что в среде боснугоушних
и законно боснугоушних — ибо в писании не
босноватая и много-людей поитавитъ
наконецъ, вопросъ: да точно ли наши миръ,
тотъ миръ, который пишутъ наши книги
„коллективный“ опытъ, эти единичные
были миръ и точно ли законъ есть
власности наръ тивали. Позвоно само
уже упрямъ Достоевскому. Учено Кириллов
кончатъ самоуправителю. Это неправильно.

„Забывъ свободу“ можно и другимъ со-
быти. Етотаники и политологи в
самоуправителъ даже не пыдаютъ. Мы
кажется, что Достоевский хорошо. За-
былъ Кириллова сдѣлать и то, что онъ
потомъ сдѣлать. Онъ не только попытка
отъ изобразитъ его, но и „судитъ“
онъ, а судя, и описано, самоуправителъ
быть.

XIII

Можетъ быть это не замѣтательство
мону, не замѣтани опредѣ-
ляются права. Ибо влассе
послѣднее право, переписи

какъ привилегія многоглаголююща
быть свободнымъ отъ всякихъ
полнъ судитъ. Но, кажется, тамъ
привлекти не данъ удраси
ни одного изъ англичанъ, де-
басонъ случаетъ на законѣ. Это
не влассе.

И, ~~потомъ~~. И еще прибавлю: не при-
бавь Достоевский, что удраси,
тѣхъ страдания даются право
судитъ другимъ. Знаю, что у Д.
было много страдания брани-
ловъ. И удраси вѣсь права,
которыхъ даются самоуправителю.
онъ „заслужилъ“. Но, побиди-

моу, не замѣтани опредѣ-
ляются права. Ибо влассе
послѣднее право, переписи

произведения Достоевского, не появляясь, во
всех случаях жизни не в огонь и не сорока-
пять, а при табуляции во время отъезда
расклад на сираницы, дневника писателя
и поучения того кому изобретено — отъ, со-
ветушка и словески. Вспомните орудие
его, разназвон, три инициала и
дневник, Кротков и по своему не имеет
никогда, и тем самым, вич свидетелем
что до последних дней жизни Достоевский
не утратил великого и страстного дар
второго зренья. „Сон сныцаго человека“
написан не только все поговори, что и
„Записки из Подполья“, что и „История
Ипполита“, и все другие апокрифические истории,
которые, точно белая книга сочинения
сверкает чудесным светом в конце Достоевского
и, писаный, вич является суровым и правым
всего ^{полюба} ~~до~~ до того написанного раскла-
да „Кротков“. Этот последний расклад
Д. писан поучением, конь и записки из
подполья оправданы в доподлинном
призывании. И точно, вич является вост-
рава, во оправдан, конечно, тем же

а равно с апокрифическими
апокрифами, вострава и вострава
Карачин, последний роман
Достоевского

может тогда сообразности, которых прибудит
 Достоевский. Содержание - против. Исрой отдален
 офицер, содержание - судной кассы, кловом
 безмерно обителю в прошлом, как и в
 тучи и в тучи Достоевского. Обителю и тач
 лавк и в Митинский, и тучи и т.н., а обителю
 ний тач, что нико за душой не осталось
 кроме „идеи“, воню тучи и в, судной
 кассы. И воню тучи кловом в тучи
 с тучи - она не есть кловом - кловом
 с тучи, которая ^{се} воню от всей души тач
 туч, до того тач, тучи тачи и тач
 тачи „идеи“ тачи. И тачи тачи тачи,
 но на тач, на тачи тачи - все тачи
 тач, се - и воню тачи тачи тачи
 до тачи тачи тачи тачи тачи
 тачи в тачи. Тачи тачи: тачи
 тачи тачи тачи тачи. Тачи тачи
 тачи - в тачи тачи Достоевского „...“ тач
 тачи тачи тачи тачи? Тачи тачи
 тачи, тачи тачи, тачи тачи, тачи тачи
 тачи тачи, тачи тачи? Тачи тачи тачи
 тачи тачи тачи тачи тачи (в тачи тачи
 тачи и я скажу тачи не признаю тачи.

Гудок крикнет: „молчи, бродяга“. И закон
речи ему: тут у тебя такая сила, что ты и не
лучаешь? Зачемь прагматическую рождени
то, что всего дороже? Зачемь мы тебѣ ваши
Законы. Я отупляюсь. О мы все равно!...
Наскоит! О, природа! Люди на Земле оди-
вотъ бога! „Есть-ли въ насъ либы жив-
би?“ - крикнетъ русский богатырь. Крику
и не, не богатырь и никто не откликнется.
... Все митво и всюду митвица. Оуди
только люди, а крикнетъ никто. молчаніе...

Наконецъ вопросиъ кончается ранами, бран-
кой, а се продолжениъ „Сонъ сибирского
человѣка“ Наконецъ нагъ се „геологический
человѣкъ, которому все равно“. Ранами
то и знакомитъ митъ не съ митъ...
что никакой геологический человѣкъ, котору
му все равно“ Шибъ не митвица. ~~Ранами~~

что то же полное, ничто

Но эта комъ зячится у дождя въ розови
лобитъ, фронтальнесса ранами. Вручнесса
блан фронтальнесса въ митъ и митвица,
что „никто“ не митвица митвица
мѣ чудомъ превращеніа въ ране. вране,
а то митвица. Митвица у Гудокъ

который имеет Бога маму, но по общему
сознанию, было только ничто. Мамы и у до-
мостов, Воды и духа, "капсула" или пре-
дварительная "параллель" или по поводу, что
хотите, "узыканит" "фантастическое", посто-
янно это же не переживает, которое до сих пор
иногда записано в нашем мире переживания.

Дядя Рахман маме назвала сына: "узыканит"
человек. Они маме маме назвали сына
мужчиной. Это было бы новым словом, которое
если бы не было бы духа или маме маме
сидели бы как и прежде. В будущем, что
уже В. В. В., т.е. теперь В. В. В. или
сам по себе "дополнительно" в ~~ам~~
продолжении слова, а вот продолжение
повторяется "вспомогательное" человек.

Для всех это знание, что такое человек
человек, так же человек, который бы был
и на самом деле человек, а, если бы не
было бы не было бы духа и не было бы
основ и существа, люди бы были бы
поэтому от "В. В. В.", которые они
только бы и бы и бы бы бы. В. В. В.
и от них, от самого себя бы бы бы

лучше, ибо все равно и в нем самом
жизнь и деятельность его уроки жизни.
Это естественное состояние и даже жизни.
Все так же естественно для нас, как
и для других. И вот, „страшно“ и по
всему пришло это „равно“ и что
они могут „и что и у нас“ с
каждым из нас все больше и больше в нас
уменьше ^{те} ~~появляется~~ (откуда, что и так и так), и
потому то стало нашим делом. Имен-
но потому-то, потому что и у нас
мы можем определить причину. Мысль
потому, что в душе мы каротично
страдания наша по своему образу,
которые уже было бы так же
именно — это было бы так же
оно. Убеждение в том, что на самом деле
равно. (кур. д.) Я отнюдь давно пред-
ставляю это, но полное убеждение ста-
лось в последние годы как и вруж.
И вруж поубеждает, что мы ра-
вно было бы, существовали бы мы
или если бы не было ничего и было — и так
сказать и убеждать в том, что существо-

поименно, что ничего применить не было. Рассуждая
 мне казалось, что за те было много применений, 21, 118
 но поименно заставили, что и применения
много ничего не было, а только применения
казалось. Мало по маленькому уменьшению,
 что ничего ничего не будет, Витановича,
исправил свои, что они такие, что исправил
эти слова? Что они да фрагментации
"взрыв", которые приводят к своей еще
более фрагментации, что все равно, ничего
при этом не было, ничего до меня не
было, ничего и после не будет, что какой-то
бы подчеркнутый догматизм. И в правильно не обязан
на этом повторить да архитектурные
но, что они сказали о этом упреждении
законы противоречия: мало мало говорит,
но такого мало думать. А только объяснить.
В этом, если дать, смысловую глубину
также говорит, но повторяется не только
законы противоречия в этом смысле
этим, все начинается, все применяется, все
"все" повторяется. И от "какая"
одного слово, да еще такого, для кого-
то, по своей смысловой применению применяется

Было бы повращение в руки. Это было
 сказать себе открыто — но тогда было
 сказать открыто, что „приведу к по-
 тации с¹¹ типного человека, но приведу
 бы к погнанию самого Достоевского.
 Соблазняет вас это? ^{Лично} Вспомните
 Достоевского ~~из числа~~ права оборонить
 то, что вы оборонили и не одного Дост.
 Достоевского а и Плеханова с его писателем,
 Плеханова с его „сочинения“, Бернштейна,
 не знающего того толка смерти и что
 толка жизни и еще многих других —
 Соблазняет вас это? может быть
 при одном критическом — ~~целесообразно~~
 в первую очередь. Спорить нельзя — тут не
 поспоришь и проигнорируем. Тогда
 вот с типного человека, которому
 все равно, при котором никто не был,
 который уберечь вас, что и вообще
 никто никогда не был, никогда и не
 будет критический процесс — покончить
 с собой. Влюбите, если хотите, погнать
 и в Достоевского, был готов даже аму-
 нитивный уже 24/2 961 в половинной

[illegible]

способомъ любви придти къ выводу,
чтобы да только на мнѣніи, что враны
мысли и оро, и похвалю измѣрять
что законы не существуютъ отъ бога
и а „дака“ и „дака“ только дажи
что въ произвѣдѣхъ, что смертъ
Рохата превосходитъ коимъ
„убавляя да и тѣмъ“, что Богъ тре-
буетъ только невозможнаго, что
противъ этого все начинается и
ничто не кончается, что разумъ
и основанъ на разумѣхъ превосходящихъ водителемъ — и вѣстѣ
самое странное предѣленіе, что
„каришъ“ или есть право на таранти,
что фактически реальны „смер-
тѣвныя“, что тѣмъ есть смертъ, и
смертъ есть жизнь и на все прожиз-
нѣнныя, которая глѣдитъ на насъ
своими страшными глазами во
страницѣхъ сочиненій Достоевскаго.
Вотъ и „смысловому слову“ при-
носъ Богъ знаетъ до чего додумать-
хотѣли да и до чего, прожити
это не безъ боли, да и въ вѣдѣ, а

и основанъ на разумѣхъ

но запятая и рахвал — ^{найти} ~~открыла~~
„добую книгу“, которую он потерял
почти в тот же миг, как и начал.
И удивительно, что эти „новы“ кни-
га — вовсе не новы, а самая старая
книга, старая, почти как мир
ибо до Давидова она открыла
тщоту к чужой — не на другой год,
после сотворения мира. Открылась, была
внесена в „вечную“ книгу и пошла
на работу. Словно к чужой,
по словам Давидова эта книга
открылась в силе. Позвольте мне,
описать, передать всю эту историю
и словами Давидова, а словами
„вечной книги“, почти, конечно, в
них и без меня знать. И сказал
Давид Божь тщоту: ты можешь дать
со всеми деревьями в саду; но с дере-
воными добра и зла ты не должен дать,
ибо в тот же год, когда ты станешь
мать, ты станешь умирать... Но ты
близко к тому, что в 367-й на книгу,
сказанной Давидом Божь, и сказал

Давид Божь насадил сад
в Иерусалиме восток и запад
по всем именам животных, по которым
выступит
Давид
И Божь произрастил из
земли всякого рода деревья,
приятные на вид и на
вкус и дерево жизни посре-
дике по середине и дерево
по имени добра и зла.

менюхине, Божь сказалъ божь, что божь
долженъ быть отъ божь въ деревень сада?
Тогда менюхина сказала божь и не
поди не ходи отъ деревень сада, но
в деревни, что посреди сада, Божь сказалъ:
не ходи отъ него и не прикасайся
къ нему, что божь не умереть. Тогда
Зимой сказалъ менюхине: божь не упрямъ
смертью, но Божь знаетъ, что въ томъ
днѣ, когда божь отъ него поди, убави
откроются глаза и божь самъ будетъ
какъ Божь, знающимъ о божь и зитъ
и менюхина встала, что божь проиш
и прииши на божь и что дерево пороши,
ибо они дѣлаю лудрять; и она пошла сани
и дѣла сѣи и луду. И въ крѣпость у нихъ
обойти глаза и увидѣли они что они парисъ...
Тамъ рассказано въ древней книжѣ. И
нѣтъ словъ, который божь не читаетъ
и не слышитъ отъ тѣхъ. Божь знаетъ, и
божь знаетъ, можно ли укого въ рукахъ
никогда той книжки не было. Ритмика
и у словъ, рѣшавшихся ^{лиц} уже покончили
съ собой, тамъ какъ сны было, все равно.

вдруг уснул, ища в своем сердце, и когда
он уснул ему прикинулся сон, ~~сон~~ ~~только~~ ~~то~~
он попал в рай и в сад, не обшумив
никогда о дериба познания добра и зла.
~~Он~~ ~~описывает~~ ~~им~~ ~~блуждания~~ ~~в~~ ~~самом~~
чуждом и соблазнительном отражении.

"Звяти солнца, звяти своего солнца, о
како они были прекрасны. Никогда из их
блужданий наших зная только красоты"

"Лица их были разномыслии и как и в те
восполнялись уже до непоколебимости
и в них" и т.д. Но знания нашего учения
было-есть, мы казалось неосуществимы,
что они знали столько много, не знают

нашей науки. Но знание ~~их~~ ~~было~~ ~~лучше~~ ~~Юна~~ не стремились к
и ~~было~~, ~~чем~~ ~~у~~ ~~нашей~~ ~~науки~~, а скоро познанию науки, так
показалось, что знание их было ~~и~~ ~~ни~~ ~~как~~ ~~мы~~ ~~стремимся~~ ~~со~~
такою ином прокиновением, чем у ~~наших~~ ~~есть~~, потому что ~~мы~~
наш на земле и что стремления их были ~~и~~ ~~была~~ ~~восполнена~~
тоже советом ином. Но знание их было

лучше и выше, чем у нашей науки, ибо наука
наша ищет объяснить что такое наука,
сама стремится сознать ее, чтобы научить
других ~~есть~~; они же и без науки знают, как

прикосновения къ этимъ основамъ науки
~~старинности~~, открываютъ законы и
 ставятъ даже, закона статьи ваша
 статья, наука хочетъ, научить и жить.
 а Историю наде законамъ, наука велика,
 что есть и закона для насъ то-за, что
 для Достоевского были эти же тюрьма
 и каторжка - кандала. Достоевский
 самъ поразенъ, быть или не быть своимъ
 прозрѣніемъ, не знаетъ, признать-ли
 или не признавать то, сочувствіе или
 явь, предъ или откровение. и какъ же
 мы не веримъ, что это было, спрашива-
 етъ онъ. Было, можетъ быть, въ тѣхъ
 разъ лучше, чѣмъ изъ рассказовъ. Пусть
 это соиз, но все это не могло не быть.
 Знаете, я скажу вамъ секретъ: все это
 быть можетъ, было вовсе не соиз. Ибо
 пусть случилось нѣчто такое, пусть
 до такого чужаго истинное, что это
 не могло бы признать во всемъ. Пусть
 мой соиз породило сердце мое, но развѣ
 одно сердце не могло породить ту
 убасию правду, которая потопила слухи -

лазь со мной? Какъ ба могу я ее одичи
выдумать или прирезитъ сердце?
Нуженъ ³ мое маленькое сердце и каприз-
ной, ничтожной мой ² умъ могли вы-
жить васъ до такого откровеннаго пра-
да! О судите сами! и досиль поре-
скрывать, но теперь факта ту и ту
правду. Было въ тои, что я... раз-
вратилъ и въ вѣнъ! И действительно
то, орудий, маленький умъ человека, ну-
вигитому, не могу дойти до откры-
веннаго такого правда. (Помъ распра-
тѣлъ ~~о~~ этого человѣка Земли обита-
телей раи? Онъ далъ имъ наше знаніе.
И ~~тогда~~ вмѣстѣ съ знаніемъ " пришла
и въ Землю чужая — вплоть до смерти
„ Они узнали страхъ и страхъ возвѣсти
въ до прогнѣвъ ". Остального дослава
не нужно! посмотрите вокругъ себя —
на нашу Землю действительности и
вы увидите картину той жизни, ко-
торую превратилось прежняя жизнь
обитателей раи. И кровь, и всоргъ, и бойня,
и тоска о смерти, и ненависть, и назны —

Все, что у нас есть здесь, с тех пор, как
ява, подготавливая условия для жизни
сорвала яблоко из дерева познания добра
и зла. Достоевский, сажая в сие сырое,
больно или не больно, роль греховна и не-
счастия и предмета: робости, когда отомы
раскалывается в древней книге. Виз
развратные безгрешные люди — и сжигали
их работы тьмы, смерти и безкон-
чности, беспомощности, тупость страдания.
Титом сие видит, что эту правду Дос-
товский и в самом деле не сажает
видеть. Никто до него не додумал
сам до этой правды — и еще не сажает
ощущать. Виз оттого и говорит о
откровении, что правда еще открылась.
Ибо это именно такая правда, которая,
потому она и всякая извещает — и
записана в книге. Иначе бы
моя в течение десятилетий
все же оставалась правдой сокрытой
и только ртуть изобразилась в ртуть
и жидкая постигла ее, что — сейчас
возрастает о ней. И вот еще поразило

въ тѣхъ мѣловыхъ крути, которыми судьба
 обвѣла и Забуржскихъ людей съ того древняго
 времени, когда первой мѣловой сурьей сдѣ-
 ржа познания добра и зла. Проклятіе
 тьмѣнѣе надъ челоушествомъ: гдѣ
 тотъ, кто Истину увидѣлъ, кто въ мѣ-
 нуту откровеній постигъ, чѣмъ истина
 предполагаетъ свободу отъ нашего знанія
 моего закона, и кто со своимъ пости-
 женіемъ не пожелаетъ „предпринять“ чуж-
 дѣйствованіе „Истина“ не пугаетъ, чуж-
 „дѣйствованіе“, проповѣдывать — пугаетъ
 дабыть отъ Истины, пугаетъ предать
 ее. Это и съ Достоевскимъ случилось. Вѣдъ,
 исповѣдавшійъ воистинѣ откровеній —
 Захотѣлъ, „Болванъ“, дакъ случалась.
 Вѣдъ Захотѣлъ, чуждѣ Истина была не
 капризомъ, не воплощенной свободой,
 а закономъ. Законъ, который
 полагаетъ устройство „устройство“. Но тамъ съ людьми и, въ

XIV

Второй разъ — „разъбрались“

Спину снится такъ очевидно — во время, и въ вѣнѣ
 пока писалъ — тѣмъ притворялось мнѣ
 тѣмъ только одного изъ авторитетовъ —

права

и их историкъ, историкъ христиан-
ства, нашего времени: Нелзъ безна-
дожно отрешаться отъ науки и здра-
ваго смысла. Нелзъ-этѣ права. Велики
отреченіе отъ науки и здраваго смыс-
ла казнится — и какъ безжалостно.
Но я знаю и другое: не менѣе бурово
казнится и покорность науки и
здравому смыслу. Какой бы путь не
избиралъ человекъ — отъ Нави слы-
ше чѣти на то, куда Европа тѣмъ
и науку и смыслъ: удалось ли изобрѣсти
безъ ослепной, безъ слепоты и бѣ-
ты? И теперь, со своей наукой и
здравымъ смысломъ — можетъ быть оне
уверена въ завтрашнемъ днѣ? Но не-
то est modus in rebus: наука и здравый
смыслъ ограничиваются до нѣкоторой степени.
И въ утробѣ "воспитанія" только при-
твора, когда соблагоудилъ требовать
наука и здравый смыслъ поощря-
ютъ, утробѣ "тѣмъ" только днѣ, на от-
меченіе времени и здѣсь чѣти и тѣмъ
"утробѣ" по праву почтенной и тѣмъ.

аристотеля

речь, права все историк, который не гово-
рили этого, но думали, конечно, так-же:
уже тогда, кто бы знал, знает о нас
и здоровых силе.

XIV

Но почему теперь не величайшей
тайны — из всего, которая когда-либо
существовала на земле: не тайны пролога-
ции. И, пожалуй, быть, тайна есть тайна,
это все внутренняя борьба и напряжений
достаточно или только одну и часть
его понимание — если не постичь, то быть
бы ^{втайне} приобрести в тайне. Ибо
постичь и обладать ею не дано нам,
как дано обладать Истиной. По самой
своей природе тайна такова, что она
не может быть открыта, а Истина
постигается или лишь по толку,
поэтому мы не можем обладать ею,
использовать ее. Как только мы захв-
тим открыт тайну или использовать
Истину т.е. сделать тайну для всего
общей, Истину всеобщей и истинной,
мы ~~задаем~~ хотим бы или руководило

XII
p 80

свое возмущенное, свое благородное стрем-
ление раздѣлить свое знаніе о жизни, о
спасеніи и о благодѣтельствованіи чело-
вѣкамъ родъ и т. д. на мѣховско-голова-
сты вѣхъ, что видѣли въ „Воплощеніи“,
въ „Истину“, „Степанинѣ“, какъ вѣхъ,
видѣли и говорили то, что вѣхъ говорятъ
и видѣли. М. е. логика, тѣ сущест-
венныя сужденія и рѣшенія, которые дѣлаютъ,
какъ мы помнимъ чуждо претерпѣвшій
~~какое~~ безполезное „примѣненіе“ въ
общественной вѣхъ, и которая, такими
образомъ, являются необходимыми услові-
ями нашего великаго существованія)
{вспомнить въ тѣхъ} характеризуя, обеспе-
чивая намъ прочное и неизмѣнное
однакоже введеніе и усмотрѣніе
порядка, эта логика - она не разру-
шаетъ и Мейну и Нейну. Это
и самъ Достоевскій понимаетъ какъ и
въ маленькомъ романѣ „Сонъ Сидорова
Половца“ и въ большаго романа
„Братья Карамазовы“. Въ „Бр. Кар“,
на половина съуженіе и т. д.

Зодическим, совершенно, бесполезно вставит,
ни полюбивши нас и не „покажи“ проповеда
Достоевский считал нам бы все забывающее
отъ него, чтобъ показать, что „полнота
истина“, „истина откровения“, т.е. ~~то~~
„блуждающее“, т.е. „клариса“ и провозгласит
и впадетъ в него, который полна человеко-
кая мысль совершенно не укладывается
въ „Закона“ и ~~что-то~~ въ „общее“ и, что,
соответственно тому, ^{попытки науки} предмету, метафизики
является не „общее“, изучаемое наукой,
а т.е. „отчужденное“ т.е. не одна наука,
въ силу своей зависимости отъ логики,
изучать не можетъ. Тогда достигнуть
своей цели, метафизика ^{не только не} должна стремиться
стать наукой и ^{не только не} построить свои познания
такъ, какъ строить ихъ наука — наоборотъ
она должна освободиться отъ науки,
стать равнодушной къ закону общему,
и къ той игровой роли, которой
весь законъ держится. Но кристъ если
точно онъ есть то *лицо* *за* *до*, а не
вопросъ и призракъ и есть то *вопросъ*
применительно предъ „научной истинной“

что онъ не нуждается ни въ какихъ га-
рантіяхъ или санкціяхъ. Онъ до санкцій,
онъ до гарантіи. Въ началъ бѣлы, на-
писъ! — въ санкціи и гарантіи при-
ли посты: посты того, какъ произошло
прѣклоненіи и словъ бѣлы изначо
изъ раи. Знаю, что все это въ высокой
степени фантастическое. Но только
вторые глаза Достоевскаго: реальное выво-
дитъ въ фантастическомъ, „естествен-
ному кажется призракомъ. Когда же
онъ открываетъ свои первые глаза, онъ
видитъ, какъ и въ: онъ хочетъ прощенья,
гарантіи, законовъ, онъ хочетъ благо-
дѣтельствованія, словесство, писатъ
ны въ кая, какъ на сдѣлалъ —
вы, ~~которой~~ ^{ми} ~~бываетъ~~ въ своей душѣ
и ~~дѣла~~ ^{быви} воплотить въ словахъ все
что видѣи, о которыхъ мы уже гово-
рили и то видѣи, о которыхъ намъ
придется еще говорить, въ издѣи въ видѣ
эпизода въ романъ „Гр. Карамазовъ“.
По-ваше мы вошли, въ видѣи, въ
такия дѣла, что, ради жизни, уиѣи

или, что въ „перевѣи и думѣ“

[illegible]

своими ограничениями.

III. 81.

последних сил, которой она обладает
своими *Bestimmtheit und seiner Erhaltung*.

Но разор не требуется из той же
условий, ^{при} (которых эта сила становится
грозившей?) Иисус Христос основан
на авторитет Ветхого Завета, пер-
вое пришествие — на предсказании, Агус-
тин на Иерониме, далее Лютер с собою
на написанное слово Божие... Иисус

и Иероним показывают, что вопро-
ше может быть влечет к ней и плодот-
ворной, или она не предполагает
включить авторитета и не имеет
твердого сознания своей абсолютной
верности. "Потом говорить Гарман
в тексте. Но при этом же он
еще добавляет: *ich sehe die Plakette,*
aber ich verzweifelte daran, ihren letzten
Grund zu finden. Свиггенштейн во-
водит и неопознанный и мнимый со-
поставитель никаки. Правда, нужно
сначала обратиться к логичес-
ким построениям показаний Гармана.
Он начинается с того, что "никогда"

въ самомъ дѣлѣ убогаго, эта покорность
науки и разуму освободитъ насъ отъ ка-
казаній! Но, Достоевскій, какъ мы зна-
емъ не такъ нудитъ наказаніе и по-
ража, поборитъ онъ насъ, словомъ любитъ
страданій. И отъ Достоевскаго же мы
вдобавокъ знаемъ, что соименъ Благодать реши-
покорность отъ наказаній ~~васъ~~ не осво-
бодитъ, & послушны и не послушны
люди одни рождаются другіе покая-пока-
суютъ кару: на страданіи сѣтъ нѣтъ
оправданія своимъ приговорамъ. Проще
вотъ, разбираю наказанія Гадарка,
мы не можемъ не признать, что, какъ
свидѣтель т.е. какъ предающій тѣмъ
онъ ^{можно} ~~свидѣтель~~ и самъ, въ преступникъ
за предѣла своихъ полномочій и вѣдѣній
„показаній“ ~~сообщилъ намъ~~, о драмѣ,
сообщилъ намъ свою теорію о правахъ
разума. Гдѣ, братъ мой, уяснить
спросить о „Завоеваніи“ ^{башни} ~~башни~~ Гадарка. Зрители,
первое зрители, Абутины — и Гадарка могутъ
посудить ^{башни} ~~башни~~ авторитетъ. По моему
Гадарка зрѣлъ ^{правильно} ~~правильно~~ неприлично. Но, какъ

нь сродна нити ораничений, а показав
 эту сущность историка Гарлем
 фонне быть чуждым и неприятным. Только,
 тогда он получил несколько выдому-
 шенной и сложной. Не то, что "никогда
 в мире не было такой войны" — он знает
 что было и что не было в мире устно
 историк знает только то, что, и может
 и порадо и сибирь, что не образованном
 странном. Нет и в то, что было в мире
 историк знает только то, что в мире
 оставило выдому гитлер сигур. Видно
 для войны, конечно, в то, что и сибирь, что,
 если эти сибирь открыты кто и сибирь,
 то и оставило и сибирь. О том
 сибирь не оставило, о том историк
 и сибирь не знает и даже знает не может,
 и сибирь и сибирь и сибирь знает в то, что,
 что не может быть, в то, что показано.
 Видно историк — знает всего и сибирь. Ста-
 но быть, если когда и сибирь в мире и сибирь
 война, который не опирается на в то, что
 авторитет и вообще без авторитет
 одождивает, и, если эти война не оставило

Spinoza: appendi! Partis prima
9th. (10 pag.)

[illegible]

содержит, графика, не

главе „Братства Кирамизово“, кото-
рое почти самым разнообразным, но
весьма ^{почти} разнообразным Западн-тюрк-
и „Бунт“, и „нагроба“ и „Зачина свята
такой теловы“ и „канчал“ и т.д. во
сущности все одно. Докладчики все сосре-
доточив на том, что во Восточной па-
ластине „potestas clavium“: можно-ли Бога
передать людям, дающим на Земле
всю полноту своей власти. Нам известно,

кто, и говорю что: Это Петри,
и на сие каковы создала
церкви мою и братия апол-
ногочинны ея.

Матт. 26. 19 наизво: Et tibi dabo claves
regni coelorum. Et quodcumque ligaveris
super terram, erit ligatum et in coelis
et quodcumque solveris super terram,
erit solutum in coelis. Но в настоящее
время новые протестантские богослова
(сепаратисты) и католики эти слова интерпрети-
руют иначе: в то время как католи-
ки на них основывают свои догматы о
непорочности церкви. Правда, католики
идут еще дальше: на поместных, ватикан-
ских соборах, они установили догматы о непо-
грешимости римского епископа. Но, конечно,
„верующие“, и эти и тогда церкви почти ста-

такъ постановленіе ватиканскаго собора непра-
 вильнаго, ибо многіе (поц. православные) не
 признають ея вселенскимъ, ~~такъ-же~~ видятъ въ немъ
 не всеро-соборъ, ~~но~~ и не ~~такъ~~ признають ея
 роженимъ для себя обязательнымъ. И, такъ, богослов-
 скіе споры насъ зрѣсь не занимаютъ, тѣмъ
 этого вопроса не будемъ касаться. Ну, тѣмъ
 важнѣе для насъ другой вопросъ, поставленный
 и разрешенный утвердительнымъ великимъ триу-
 мфомъ — а именно: вопросъ о непогрѣ-
 шимости церкви. Если поместіе на землѣ,
 когда Богъ, воплощившійся въ плоть, пере-
 далъ церковь и ея представителей, церков-
 нымъ іерархамъ: какъ они зрѣсь не взяли
 ршущій, такъ будетъ ршющимъ на немъ. Богъ
 передалъ имъ всю полноту своей власти — и самъ
 уже устранился отъ вмешательства, побужде-
 нію, не только въ тѣлесныя, но и въ вѣчныя
 дѣла. Католличество на Ватиканскомъ соборѣ
 еще ^{выразительнѣе} ~~отъ~~ формулировано въ эту истину.
 догматъ о непогрѣшимости апост. Только
 тогда, когда идетъ о непогрѣшимости воплоща-
 ется въ индивидуальное, такого не признаетъ
 и католицизмъ, какъ и все прочее иуд., тѣлесное

[illegible]

готовность принести нам, как pontifex
 maximus, у него есть иная. В, обратных
 Карамзинских. Мила „братские Карамзины“
 не нова. Но преемнику Достоевскому продолжат
 свои „опыты“ — то есть опыт, который ~~также~~,
 критиковать производят без помощи „галло-
 славянских истин“, созданных в „опыте“, и потому
 заданье прогнать и „галло-славянских истин“
 и историческую истину — в „опыте“. В „опыте“
 постигнуть ^{одновременно} рождение, и снова стоять перед
 высшим, на (котором) лежит галло-славянская
 истина, в „опыте“, и то же „опыт“ в „опыте“ и
 истинности, которая держится и которая
 поддерживает науки и истинности своими
 „истинностями“ — то есть истинами, истинности не
 признающими истинности истинности истины
 истины, на которую отсюда высходит высшая
 истина „истинности“. Дмитрий Карамзин,
 самый истинный истинности истины истины
 истины истины истины истины истины. Ему
 поручается истинности истины, и истинности истины
 истины истины истины: истинности истины и истинности
 истины истины истины истины, истины
 истины истины и т.ч. истинности истины, истинности

86 April 5

ану дождь свист вращает, Дмитрий Кара-
манов, павший, безучастный, невольничья оги-
церия учти прусту как учит Училища и
когда доходят до истока

Въ университетъ любви, Куде невольничья оги-
Мать Черера и мучит,

Въ университетъ глубоковод

Теплода всего ду шрет -

ижеи руди вдрит ворабоятъ руганни.

„Друг мой, говорит ои драгу, въ университетъ,
въ университетъ и тещею. Страшно много на зан-

ить тавову тещею, страшно много сая
боже ... и дротъ тавов ои теще и думает,

из теще университетъ теще. И через ие-
кого икнути теще, невольничья

тещеи тещеи ои: Красота. Это стра-
на и тещеи все! Страшно - потому

что неопределимая, а ои тещеи тещеи,
потому что ^{теще} тещеи тещеи. Тутъ тещеи

тещеи, тутъ все тещеи тещеи тещеи
тещеи. И, братъ, ои тещеи тещеи, к

и много из тещеи думает. ~~Мать Кара-~~
~~манов~~ ои много думает! Невольничья
и тещеи тещеи тещеи тещеи,

[illegible]

скажете, что Спиноза „спокоен“, а только
 допросами пригнать об изгнании, истинности,
 (продолжи), происходя на земле и все пр. Это то
 есть, что слабее так, павороти оповест, сама
 и только ^{спиноза} ~~твёрдая~~ ^{напавшая} ~~будет~~ ^{на себя}, чтобы лучше во ~~вопрос~~ „испытан“
 Спинозу. Вспомните, что чаша *Scientifici*
 для все то что для лишь материалит и
 „гвадуга гва чаша“ и что записали в книге
 „omnis praeclara tam difficile, quam capi-
 unt“ ничего общего со словами неосервек-
 ная Карамзина о гласности и чистоте, что
 „праселась“ более не возманоженное во правде
 во правде „*praeclara*“, и что ^{возможно} ~~спиноза~~
 чаша такая угодно иду гласности пригнать и
 тому, чтобы то, что только пригнать
 много дойти и лишь не сего пригнать
 более во материалит и с „гвадуга“
 гва чаша, в котором ничего, трудного
 нет и которое не павороти и пригнать
 много дойти, как общее, великое дойти-
 ное пригнать обладание? Может и До-
 евкий так сказать о и спиноза в Спинозу
 со своим Клодом Бернаром: в 1766 в Спиноза,
 если все извину, что только для гласности пригнать

памятки. Да и вообще у Достоевского, я
 думаю было эти страстные софизмы, что
 есть — огулы, а „они“ — „все“ и т.д. и т.д.
 пропитаны они в заглянувших восточных
 книгах, там же и чуждые, там же „все“
 есть только отражения, сущности, ба-
 лачки, что то, что то, что то, что то, что то
 сущности, что то, что то, что то, что то, что то
 несть в мире. Да и в самом деле, что
 может быть сущности и т.д. и т.д. и т.д.
 всего, которые откровенно или невольно от-
 казались от той точки с той колоссальной
 силой, которая творит „историю“, которая
 создает науку, всю науку, культуру, рели-
 гиозную?! Даже религия! Все это и т.д. и т.д.
 „история“ о великом и т.д. и т.д. и т.д. и т.д.
 „жизнь“ в нас, да и любовь, величайшая
 из парадоксов, на которой когда-нибудь
 осуждена огульная человеческая душа. И
 то, что Достоевский был первым или след-
 ственным, он восставший до Достоевского,
 не раз ^{развивался} одиозно, возмущавшие т.д. и т.д.
 чужды, но и не имеет ни убога, что в
 сущности, ^{там же было и т.д. и т.д.} ~~там же было и т.д. и т.д.~~ и т.д. и т.д.

[illegible]

„лучше“ не так, что она становится
всегда для всех приемлемой. Так же, „мало“,
конечно, „лучше“, чем то, что всегда ее
любит. Но не то. Sola fide лютеран,
или „принципы“ в сущности могут уже
быть чуждыми принципам и Римом — и бо-
гомысли „спасения барой“ крестом и отчи-
сткой от „спасения грешных“. Тут уже
есть не только „враг“, но и „автори-
тет“, причем о котором говорит Бар-
наба, при чем, само собою разумеется,
авторитет служит для врага помыс-
лов и сдвигается в сторону, как и в ми-
ре, в том же мире, где все знают,
что никто не может безнаказанно пре-
небрегать разумом и наукой и т. д. *Im-
possibile non fieri*
В „Ветхих“ Достоевский ^{игреть} ~~поднимает~~ во-
прос, ^{всплывает} ~~лишь~~ ^{лишь} ~~безучастной~~ ^{спору} ~~между~~ <sup>кардина-
лом</sup> ~~кардиналом~~ ^{кардиналом}, воплощен-
ным в себя в ^{исповедующую} ~~мудрость~~
и самими ^{Богомысли}. Споры отсюда, когда
принимается впасть на землю. Доко-
зывается что-то ^{молчаливо} ~~старинно~~

нахотѣвъ заговорилъ. Кардиналъ говоритъ

Богу: что можешь ты предложить людямъ, что предложить ты имъ? Свободу? Люди не могутъ принять свободу.

Людямъ нуженъ законъ, людямъ нуженъ порядокъ на всегда установленный порядокъ

"Или вы ли? Но право возвестить крѣпко одну истину того мира изъ которыхъ Иисусъ пришелъ" спрашиваетъ кардиналъ у Бои

и отвѣчаетъ самъ за него — Богу во время безмолвствія, Богу въ вѣдѣннѣ —

крѣпко, не ильетъ... Но передъ нами. Но обещая, но утверждая слово, но давая намъ право свободѣ и развѣтвѣ и уму, конечно, не потому думаетъ отъ насъ

нѣ право теперь у насъ. Кардиналъ ~~на~~ ^{приводя} ~~на~~ ^{Matth. 26. 19:} Et tibi

dabo claves regni coelorum. Et quodcumque ligaveris super terram, erit ligatum et in coelos, et quodcumque solveris super terram erit solutum in coelis — и ~~нов~~ ^{примѣчаніе}

новизна на наше ~~представленіе~~ ^{примѣчаніе} ~~древнѣйшее~~ ^{древнѣйшее} ~~учрежденіе~~ ^{учрежденіе} на potestas clavium, вѣдѣннѣ ~~на~~ ^{на}

и предполагающую се "испорченность"

слова правды, конечно. Но только

[illegible]

познаний гдѣ-то совершенно изжили
 селки на сл. Навали. Другого суда, кроме
 суда разума нѣтъ и быть не можетъ. Во-
 томъ, чѣмъ философа теперь называютъ, со-
 ническу вообще ⁴ ~~вотъ~~ уже захлопывается
 чужихъ иредъ непорочности церкви - и до
 чертовъ ограничить только-ся „самоочевид-
 ными истинами“, которыхъ приставленъ воз-
 раить всего хитроумнаго впамя или „знанія“
 Да поведемъ все это видѣть съ той отчасти-правильности
 востановитъ, которыхъ кубики разъ провѣстятъ
 уже, когда онъ зовѣтъ въ священной термѣ
 Дноломъ и открываются вѣдѣя зрѣнны
 автора зрѣнны ¹ „Ахъ работа, говорить
^{безпрерывно и непрерывно}
 труднѣе, ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} какъ оравшій
 свободнѣе, съскать поскорѣе то, чредъ ¹ ~~хотѣлъ~~
 преклонитъ. Но ищетъ ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 нитъ ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 столь бесспорно, ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 сошлись на всеобщее предъ нитъ ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 ление. Ибо работа ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 созданы не въ томъ только состоитъ, ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 съскать ^{то} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~
 преклонитъ, ¹ ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~ ^{хотѣлъ} ~~хотѣлъ~~

чтобы и все уверовали во него и прек-
лонились пред ним и тогда непра-
вильно все вспомнить. Вот эта пот-
ребность во общности поклонения
есть главнейшее мучение кабарачи-
ловских египтян, и как, тогда,
любовь к себе сначала воковы. И тогда
любовь к себе продолжает дальше и
пришлось бы всю „жизнь“ переписать. Но
не могу не обратить еще раз внима-
ния на то, со какой необходимостью
проницательностью представил Достоевский
труднейший философский вопрос. Не
только в области искусства, но и в
философии, трактаты в
которых такая глубина проник-
новения, тонкая, бытовая - все
освещается самым по-новому, и
это ~~вспоминать~~ ^{вспоминать} ~~такая~~ ^{такая} ~~и~~ ^и ~~Достоевский~~ ^{Достоевский}. Я
думаю только, что и почитая по-
литическую „вражду“ Достоевского - как бы
потому, что тот, кто у нас ила все про-
чи. Таракан, воплощающий в себе идею
Синтоизма, и чуждого рождению и

гражданин с азиат-
скими

[illegible]

Т.е. лучше подчиниться
говорящему произволу, чем
только "идеально" о добродетели,
которые сегодня, вольно

еще в разорении, вопреки
Богу и природе человеческого
сердца

даже "напрямую" и "лишь"

аналогичную Ничкина-Камилу пошленин
говорить о том-то. Успешно вероубаждая
такие мысли, обнаруживающую ~~бессмыслен~~
не верабились утверждения его души: божи
права ты, которая получают, что Бог
произволом ~~глаголющий~~, чуждо ты, кото
рая подчиняется со всеми твоими, какими
требованиями, принципами, добродетелями?

Люди не то, что не свободны, люди боятся
всего во мире боятся свободы — оттого они
изучают "познания", оттого они ниско
приходятся перед авторитетом, и непра
вильно перед безразличным авторитетом
ты, перед тем, который бы признавал
все в мире. Но найти такой авторитет
они не могут, признали свободу не имеют
свободы и анти-свободы, тем самым, кото
рые говорили еще жаль поговорили условно,
но "напрямую" хотят свои "признания", гаран
тий, они хотят быть своим свободным про
тивоположностью. И, в невозможности, гаран
тируют "напрямую" люди создают то, что
называется земной наукой т.е. научной
гарантией, и только свободная признания

толку одна: философия еще до сих пор афи-
 вошла и в поды науки. Много говорю
 го мне, что философия считает себя обя-
 занной „оправдываться“ перед „всечеловечем“
 перед „сознанием вообще“, если верить про-
 тившколам и терминам. Она ищет „мар-
 гиналы“, она ищет „потеря“ и больше
 всего страшится „свободы“, „каприза“ — т.е. все
 то, что есть в жизни необорачиваемо, неопре-
 делимо, загадочно, не поддающееся, оче-
 виднее, что именно эти необорачиваемо, загадочно
 и неопределимые есть мирно и единствен-
 ный предмет ее, что ищет ищет, о котором
 говорил и к которому стремился Фрейд,
 т.е. „глубинный“, которую из своей
 пещеры выводит Платон, т.е. Бог, которая
 скрывает под „математическим методом“
 (исчисления и о „которых“ ^{ни в отношении} „такая чуждая“, ^{к ч} по-
 полнению ^а готовна Достоевский, когда он по-
 лобавил крест и восточный свой образный
 и даже соорудил и мифы и чудеса
 образы. Но великие же мудрецы оставили
 нам завет: про Бога нельзя сказать, что
 Он — есть. ~~Но~~, сказавши, что Бог есть —

творить Бога
XV

XIV

В I 90

Нужно кончат: статьи и там слишком рас-
рохлась - хотя и не по своей вине. ^{тебе} (Дороговскому)
мне из истеричности. Мало кто ^{много} ^{уши} и
ломать там безависимо отдавать свою душу
послужить ^{молитву} иацию ^{Детей}, а тайна
ты - не в тебе тисла. Но плыва кончат,

и сказавши что несколько слов о ^{улучшении}
такой ^{господности} Дороговского - разлуч-
чаюсь на три ^{лицы} "Усвения Писания"
Мо поминать, ^{что} как ^{потом} ^{Дороговский} ^{заключил} ^{свое}
гражданство ^{различить} "Роль Ричарда Гил-
берта" - признать ^{то}, ^{пробовали}, ^{пофиги}
тоже, что от ^{идеи}, ^{кофурат} ^{он}, ^{по соб-}
ствительности признали ^{разбратили}, ^{для} ^{вопрос}
и не ^{бач} ^{указали} ^{зачем} ^{соблазнили}

Дороговскому ^{заключили} ^и
только ^{пробовали}, ^{но и}
^{действительно}, ^{оказавшись}

он же ^{то} ^{убавное}, ^{о котором} ^{он} ^{уже} ^{только} ^{пробовали}, ^{но и}
^{однажды} ^{рассказали} ^{нам}, ^{что} ^{он} ^{уже} ^{однажды}
^{пробовали} - ^и ^{свое} ^{пробовали} ^{"разбратили"}
^{людей}, ^{которые} ^{до} ^{него} ^{были} ^{там} ^{"невины"}
^{что} ^{даже} ^{не} ^{знали}, ^{что} ^{такие} ^{"есть"}. ^{Забавно}
^{он} ^и ^{библейское} ^{сказание}, ^{что} ^{сравнение} ^{сво}
^и ^{его} ^с ^{дерева} ^{познания} ^{добра} ^и ^{зла}

[illegible]

Ивана или Дмитрия Караманова для того,
чтобы понять, что "истинно" Достоевского,
также все боится, и общедоступности, и
общественные и государственные. Устами Зо-
сиа говорить было тогда-то автору, что
и усталости подполковника, и до истинной ре-
вюки, и до ~~каза~~ Ипполита, и до ~~Евони~~-
буду и ^{стирину} Караманова, но мо-
жет только слово все равно. Получается
то-то, что получилось у ~~мечтавшего~~ отца
Верапома. Когда Достоевский задумал
целью изобразить такого подполковника,
как они все говорили. И вот по пред-
данию "всего" в том же фигура не све-
та, а ~~своего~~ почти того-то про-
кура и все равно свое Караманова, ко-
торого, в году все равно, и усталости са-
модоступности, ^{создавать} ~~поступать~~ грандиозные и по-
ражающие картины жизни великого под-
полковника. Достоевский запотел, что устал
Зокиа были почти и для всего-всего
до ~~Кудря~~ Вернара. И все же они могли по-
равняться по взгляду Зокиа, как и усталости
и ~~длина~~, не ~~глубина~~, не ~~вспоминание~~

и иной раз даже то-то, что
они говорили

и даже приговорили

кнѣзь не збѣдѣши и гарантовати

справедлив, каприз, а бороться с капризом "святой".

и ~~представ~~ ~~его~~ ~~путь~~ и ~~содержательность~~: в нем / г.н. Дворосовский

[illegible]

душевные качества и свойства / и что такое Палладин того невольника, кото-
заключил, не только не одобрял, но и ропот у него по поводу души
и

протавна основу, мноштво тропик "всего вселенной."

тут же записал. Зотика Пыразитского, что

у Дюровского гроба Стружков в огулом

мелити названъ „изсрватиски“ - Востокъ

еще в Америке не изобретены, а у нас они не-

представители высшего
 что чужды, из которых первого высшего пона — (если не пона и нава доуб
 даме бела, бота, внае вуг том боте. — они полог, в ержа)

~~1. Казн. публична библиотека Дроздова и Пущицис-~~

түпкү Договордар - анто мекке жерин угуру

Заскуча и Веранита. Достовисли потамъ сражатиъ предметомъ общаго облида

Возвратить игоду и свободу, но, как ты ишь то, ишь бы отпродать своим

срочно? Как срочить, если в субботу, то-вторник срочить
прекраснейше

Нис навоукава урогу, зус вапоризир вабо-

руководящие дорожки жизни, поехали и в тропических,

востановились свободу? Значит, война

губает, ищет, Верануинг ^{оним} ~~на~~ 7-м

Анто члорди „покидають“ ~~ми~~ ^{ми} ~~ви~~ ^{ви} ~~у~~ ^у ~~хочемо~~ ^{хочемо} ~~має~~ ^{має} „вотачама“ ^{члорди} ~~члорди~~

Католичество зиручилои ваҷиби қасбҳо

се илюди при и погрешъ вѣдѣнъ, вѣдѣнъ

на большой чашке вы стало вылезать крыженик

В руках противобольшевистов, гл. обр.

Во срџини вѣтла ~~наиболше~~ владолюбиви паша

установить порядок представления сведений

диз своих церковно-мирских чини. Иеремия

Ветону можно дать до мира, посвятить

или попусту, как против „сравнительных“ ли

дальн. и в руках, и влюбленную и в созерцан

~~много~~ ¹¹ ~~содерж~~ Если бы вы поехали на то, то-

бать Рать со пуды и кит ина и соотвѣтствовало.

своими изложениями. Но на эти оны не полагать.

Виз. законотъ и ^{вотъ и то истребъ} ^{и въ и} ^{сохранить свои} ^{визитный и отъ}

всего их превратить в общесоюзных ак-

деня. Получилась самая опасная из всего,

так можно было придумать. Воды пр. Гарнаги

правь, что верагоде, чти никто не любит себя —

качество преобразовать паучкой и здровотче

исполн. Зам/бл/Дороговский шель на „пача-

самые, если бы/оу 10/10/06 Стан, кто не может

и наказания, ^{и прав} ~~и своему~~ ^{и праву} тот же закон

твёрдо помнить лавовые профессора. Учени

А. Давидовичу и паче. Еще заодно р. Давидовичу

у нас все "интересности" наша, в особенности

1871

[illegible]

[illegible]

да Христосъ и не хотѣло
быть возроденномъ изъ мёр-

твѣ, и не поклонится „громадѣ
истинѣ“ и будетъ трикогда возродитомъ
изъ мёртвыхъ. Побудило: все это не мнѣ
слово, все это-слова Достоевскаго, по-
мѣсь напоились насъ изъ его собою, то,
стало ели въ мѣстѣ на люди, изъ
проповѣдывать - и въ добротѣ и мѣстѣ
по все свое ^{добротѣ} знаніе. И Оно становится
глаголющимъ. Ему и чуждымъ
и „созвѣщиванію“ о томъ, ^{томъ} о „внѣшнѣ“ ~~фигурѣ~~
о которомъ говорить Кантъ, о которомъ
говорить научились философы, вѣдѣ, ко-
торымъ при посредствѣ теорій превра-
щаеи отъ чуждого и чуждого бѣдѣ въ общи-
нѣ, которая ставитъ „закона“
и изъ нихъ изъ мѣстѣ, который въ зако-
нахъ видятъ самые факты и „правды“
громадѣ и гдѣ истинѣ, изъ мѣстѣ въ изъ мѣстѣ
группы не паче „самостоятели“ принци-
повъ считаемъ и въ мѣстѣ, въ мѣстѣ
превращеніи. Результаты получились
не истинно изъ мѣстѣ. Замѣтимъ въ мѣстѣ
и изъ мѣстѣ принциповъ „истинно“ ^и до-
стоинства становится истинно изъ мѣстѣ,

боготочии, триблующии и безмалочии и
 чии во сапохъ обоготочии значении тѣхъ
 словъ. Свобода превращается въ пропущенную
 любовь — въ некачество, дванадцать же четверть
 повливающихъ въ свиную привапу по связаннымъ
 признакамъ, но ~~непримѣнны~~ ~~ты~~ ~~даже~~ Ксеноф. Бернар
 и самъ Аристотель приговариваетъ на помощь —
~~притеня, въ тѣхъ откровенияхъ и въ заключеніи~~
 провозглашается, что „Богъ Бога на земли
 устроитъ въ исцеленіи“. „Богъ Бога на земли
 исцелитъ въ исцеленіи“ — вотъ все сущее про-
 ноздъ и публичности догматическаго, того дог-
 матическаго, который въ „величьи и величьи“
 съ такими пророческими вѣдѣніями рече-
 вать, такъ что отъ того слова ищутъ отъ Бога,
 что Богъ не захотѣлъ и никогда не захо-
 четъ принести хоть какое нибудь участіе
 въ устроении человѣческихъ грѣховъ. И когда полѣтка
 „устраиваетъ“ на земли вѣдѣніи въ догматическомъ
 и догматическомъ припадкѣ пророчества. Боже и
 когдѣ-нибудь, „Самъ же рече и слово, когдѣ-нибудь
 пророчески“ — вѣдѣніи оу и да въ лѣтѣ-
 ская пророчества предъ орономъ аудиторіи, въ комъ
 рѣ присутствовать лѣтѣ предъ лѣтѣ речею

интернационализм. Предъ этимъ, предъ тѣмъ
экспериментомъ? Аудиторіи не поставили этого
вопроса. Аудиторіи были покорны: они слу-
шали и не были даже пророками, словами, а въ то же время воева-
ли. {И никто не почувствовалъ тогда, что про-
рокъ взялся не за свои силы.} Тамъ всегда
были великіе отцы-основатели, люди умѣли
отречься отъ міра и не грустить, а воевать
за міромъ. Но почти всегда не въ догмѣ. Же-
лѣзскій, пертъ и знающіе и любящіе русскій
народъ и сами и для насъ и для русскихъ,
мыслимъ все понимали, что такое Россія,
той „исторической“ Россіи, которая имѣ-
етъ свои права свои и не можетъ оуни-
жить насъ или при томъ условіи, если
она научится по принципамъ „здравому
на воюющаго: что значитъ догматическіе отвѣ-
ты не учить. Они отражаются въ своей
опытѣ и извлекаютъ оттуда только истину,
и не „иной разъ говорятъ людямъ спра-
дливое болѣе, чѣмъ старожилы“, или „же-
лѣзскій“ любитъ французскій, какъ союзникъ,
„на томъ все кончается и ничто не конча-
ется“, Вотъ предыдущее изъясненіе, что

Тот, кто сказал: Брѣсть, терзаетъ Бога.
 Попытки и такъ обвѣстятъ во всемъ истинна-
 ми, добываемъ вторые зрѣлища: ~~вѣрно~~ при
 попытке превратить ихъ во всеобщий и обяза-
 тельный законъ они превращаются въ крѣпость
 въ свою противоположность. Иными словами
 есть, почему, публицистика "слова Достоевскаго,
 и проповѣдь такъ мало говоритъ намъ
 и даже ~~то~~ о Достоевскомъ. Истинно, какъ будто
 старая, законная намъ и гордая мысль. "Русские
 народы любятъ страданіе — въ это время тоже
 не спускали отъ подпольнаго условия. "Почти
 все

На этомъ я и кончу. ~~Кстати было сказать, не~~
 потому, что исчерпано все Достоевское, а потому
 эти статьи слишкомъ рисовались. Достоевский
 почти неисчерпаемаго тема. Вспомогательное же
 повторить и "древняя Русь" — къ, впрочемъ
 признаюсь, не могу теперь повторить ~~отъ этого~~. И такъ пишу
 Никому не интересно читать, но какіе мысли
 возбуждаетъ меня ^и ~~тогда~~ ^{древняя} — пусть проше-
 ломъ сдѣлать "прогностическое", написанное 15
 летъ тому назадъ не угадалъ, некого не уга-
 дать Достоевский: теперь не въ этомъ еще

Dase. 156 Беззубый не боится
спрашивать, какие из нас
удобнее

Пору 162

Raison d'homme 181.

Moi haïssable 921

"Ма сердится, значит-те не правь"
Мая ли это? Не буживе было бы сказать: то
сердится, значит-те боится из терт
права и неправа, куда то из право и не
право терпят уже вообще всякий аспект
и значение.. Значит, бодритесь тем же
беспокойно, то знает, что сами из-
ти и подготавливают бодрение и изобрет-
лиши до того перз, пока не впрямь
были изобретательны... Исконно
рань люди способны изобретать себе
дались от данн, которые неспособны
изобретать, потому что изобретать не
раньше... ..

Jacques Riviere (1886 - 1925)

умер 14.2.1925

Перечитав то, что осталось у нас

от Н. Ривьера и между прочим
из "introduction" и "Miroirs"

Alain Fournier - (~~которого~~ которого,

в значительной степени одобряет

нам не только Fournier, но и canon

Riviera) - и в том же смысле (17 стр.)

уже расклевывался в том же направлении.

Видно, которое произвело на него чужие

Tel qu'on songe Henri de Regnier -

вспоминать грубые поразительные вещи

этого поэта:

Le vrai songe est celui qui fonde sur le sable.

И теперь они мне показались полными

особенно глубокого смысла. Видно, что

уже Фурнье - все же не совсем чужий

в это время. И мне мне пока-

залось, что, когда J. Riviere писал

свое introduction - эти стихи были

уже ему очень близки, что видно

всучаю имени и люди памяти которых
и быть того отягощеня пышными и пыш-
ными знамениями, скоро забудут его.

Руберъ то губителю, тогда на-
чалъ писать свое "introduction" и с тем
смыслом и независимостью духа,
которая до отъезда еще въ молодости
и которую замечательна ~~for the~~ in
томошеской речи, сохранив въ восторжен-
но провозгласивъ книгу "Les études"
принимая противъ всякой капризной и не-
уверенности. Онъ разсказываетъ намъ
что много и не признаетъ H. Constant'a:
"Je ne suis peut-être pas tout à fait
un être réel" ~~хочу быть~~ ~~par~~ ~~не~~ ~~обстоянию~~
компрометтируетъ и что Fournier
"vous recommande solennellement de
ne jamais l'oublier, quand vous aurez
en son absence, à vous expliquer quelques
choses de lui". А вотъ какъ повелитъ
онъ мое требованіе овалу духа: "Je vois
souvent ou bien ce qui était la pensée:
il manque quelque chose à tout ce que
je fais, pour être sérieux, évident, indiscutable"

ины отбуривать и отбуривать, ~~отбуривать~~ то то — и на джигиты.
~~Лесные районы~~ во время ерперань батыи полн иот, на конуру вора
 буета, твинуи почтот, накой он яеит люди свои, дуб-
 илост иот зини. Вопрос етот о — ины ~~батыи~~ ины
 ронити, и етот по роуококоини — то,
 отбурит и на иот джигиты бн ины-
 ины вон ины представити о ины-
 ины. Да и полата етот — и отбурит
 на тей вора? ~~Ско~~ ины — и етот
 на ины отбурит? Рано врань, и
 рань чело бискии ронит, и конторит
 тей вора ороуи — етот и ч-
 ины? Ронит и — ины етот
 вора? Вора и врань, ирань — и
 рань ины ины ины ины ины
 вора ины ины ины ины ины
 ины — ирань. Ронит ины ины
 ины, ины ины, ины ины
 ины: quand je compare à la sienne, 12
 toute ma vie qui pourtant fut occupée
 par beaucoup de mêmes événements,
 m'apparaît affreusement positif. J'ai
 laissé bien de choses qu'il laissa échapper,
 mais c'est lui qui voit, moi qui...

[illegible]

и не могут они набраться "благородия" и не могут
они опереться на исторический гранит камня совре-
менности, - сам Рубинс камь это камень в
каменном своем introduction. Но Гитлер захватил, когда
камень истинный прилагательный к нему - он перешел
вперед в ар гументации гранит. И тогда, когда
он сам, Гитлер в своем другом человеке
Атлантиду и Америку, Гитлер не выговаривает,
тогда, призывая его "introduction" можно
быть и не тот Гитлер но много больше поборник
ему и, как полагали провозвещая провозвещая ему
самому себе по побуждению гитлеровской молодежи:

Ср. Берсони
Т. 140/9 р. 1)

Вопрос о свободе воли однако ставится так: свободен или не свободен человек вообще. Может ли и ответ даться предположением такой-либо свободы, либо не свободы. И раз "свободен" - значит все люди свободны, раз не свободен, то становится ответом на все не свободны. Другой постановки вопроса вы раньше не допускаете. Разве? Ну, не то что не допускаете сознательно, т.е. имея на то какие-либо основания, просто в голову не приходит никому, что один человек, скажем, по-вашему был свободен, а другой - Аристотель был не свободен. Бессознательно предпологается, что признак свободы или не свободы должен принадлежать понятию "человек".

Когда (Спиноза), наш смертельно больной человек, боролся с внутренними - бесчисленными страстями, он, хоть не знал, не мог знать, кто победит. Он, впрочем, и сам говорил, что из карсго, которые он предумал, нечего убить его. И сам - не имея никакой помощи и без всякого риска, принял великое решение. На самом деле другой мог бы принять другое решение. Но сам, если бы вопрос предстал перед ним раньше или позже, когда обдумывал бы или совершал душевные соображения, был ли мог бы принять иное решение? И вообще, кто

219 X/65

Народная душа в плену и пленнице

губящему, что все, что ни поборна, не есть
 distincte - только quis obsequi et rogare. Но quis
 vilius beatificum поборна. Но не тмим все по дичас-
 латор опущается в глубина, на quo дичи. Но не,
 тмим не оно не касает. По били губи поборна в
 дичи и опущаются. Все не опущается, терм небу-
 нии поборна поборна в бору.

Терм - III. 43: История философия - разная сущность
 определена и не в поборна поборна. И 52. По-
 борна не есть beatificum, sondern viel mehr das
 wasche beatificum. 59: поборна - сущность
 бору. Но не не поборна. Поборна не сущность
 бору, но не не поборна. 105. Но не в бору.
 бору бору поборна, это не поборна, в бору
 она сущность бору бору, 112. Но не - поборна
 поборна бору и бору бору.

Список сущности бору, поборна сущности
 поборна.

Бору не поборна обманывае поборна с бору
 не поборна обманывае, а не поборна обманывае
 в не поборна вообще что бору сущности бору
 т.к. бору сущности поборна, поборна бору
 бору бору, бору и бору бору.

Г. 2

краткий
трактат

Ж. 34. хорошие, дурные, полезные — только могут служить, а не вещи,
которые являются бытием. Ибо все бытие, существующее в природе, совершенно
быть не может превратиться в что-либо еще лучшее,
также, поскольку это уже совершеннейшее, и не может быть совершен-
нейшим, если бы оно стало лучше. Совершенство — вопреки другим
См. 101/102. 34.1
определенности — это „лучшее“, т.е. то, что в максимальной степени

Ж. 24

„И вот из разговора — пока мы не имеем о Боге точное
какое-либо представление, которое так совершенно и ясно, что
мы не допускаем нас думать что-либо лучше, кроме него,
мы не можем утверждать, что мы по крайней мере согласны с Бо-
гом и непосредственно от него зависят“

29.

Мы, которые говорим, что Бог знает все, что является
потому, что Он знает сам по себе, мы можем думать, что
они возмущают нас, что не. Но это не так, ибо они
предполагают. Богу известно, что и его обязанности и его обя-
зательство, равно по причине, которая требует, чтобы то-то
и то было и считалось добрым и справедливым.

40.

„Разумный человек, творение, происхождение Бога, создатель и
отличитель и на всех уровнях неопределимости. Атрибуты по-прежнему
всегда ясно и отчетливо постигаются и из этого неопределимости
вытекают совершенные удовлетворения“

47.

„Ясность понимания не та, которая приходит через разум-
ные удовлетворения, а та, которая является совершенной ясностью и
Genuss der Dinge: оно все превосходит все другие ... и
не может рождаться из ничего и из ничего“

Ж.

56. Все, что есть или является, равносильно с нашим умом

горю, жалко и ничтожно.

57.

Крепость и влечение - вить нашей власти

58.

Искренняя любовь возмужает и сознание того, что

сп. 84 стр.:

"В любви и богу

наше влечение

блаженство"

предметы из приращень и порока. Но что грубое и в этом

любовь сроднётся, как и то, что ни по отношению к чему

грубому любви не может возгореться с такой силой, как

по отношению к Господу Богу нашему? Ибо он один

прекрасен, он один совершенное добро (по той же причине)

83.

"Истина одна через истину, т.е. через самого себя.

Pasc. 524/18)

Трагическая повесть: tristitia anima mea

usque ad mortem

Пари" Паскаль - самое слабое, самое глупое

сп. примеч.

362

Кривошея (В 362)

до того, что

все прекрасное

нашумит

таково искусство

"ни всего того, что писал Паскаль.

и тому, что отменяет оный боги и ментури вурвал

клетки от зарека небесного: он в ватрель паре.

Вопросительно, пар? Паскаль - и паре одобрением

о нем. Спаноулам рдущий впрямь от Рели

ради Бога: где паре провозглашению овладения?

Pasc. 525/18)

"Искра ^{пре}будет в атомной до конца мира; человек

спать все это время" - Паскаль как манбент, Парвсам

Вопрос - основной - о том. Вопрос побуждает Пас

каль? М. о Паскаль кривошея в кривошею

перспектив...

1 В. 401: Secretum nihil est nisi te scire hoc sciat actor

„Дорогитам елика себе наирага“ — и тит еликадон
никоа акало. Каротт печаваротт, а дорогитам — тоако
дорогитам и никакич коирага ни в каротт елика,
ни штишри, ни шбат ед ие почалага.

Вес „психологи“ и у Мунчен, а у Лариндур
и у Покан — еликако то „оликотт т. е. ие тоако
и вкритотт, но и ие оуфденеи намен, и;
кототт, вондеи Еиротаме, каротт ратт провблор
себдеи у то, каротт ботт, нуфас олитатт ие „и“, а
запретт: Еаломеи ерикее, еротт еуеафалее еуелуе
Еуеи. Мофетт ботт, тоако тоако ие Паселт
пресорблор и влорблор, еротт оуаттееи моако
и каротт еротт „и“

и, тоако ниетт, еротт провблор, и, тоако ниетт
Еуеи провблор, и, тоако еротт ниетт, мофетт ботт,
иетт еротт ботт. Мофетт ботт — тоако мофетт ботт,
Еуеи еротт? Еротт еротт не еротт? Еуеи
и, ие ботт еротт, иеи Еуеи — „la vante de la
aerie dans le cours de l'homme — тоако, мофетт ботт
и ие еуеи еротт не еуеи, а еуеи еротт еуеи
Еуеи еротт — еротт еротт еуеи, иеи еуеи
еуеи. —

Еуеи еуеи еуеи еуеи Еуеи Еуеи еуеи
Еуеи, еуеи еуеи еуеи еуеи. Не еуеи

Мендотт,
мофетт и
проттотт
Еуеи ботт
еуеи еуеи

Н.Т. 25
В. 401.
Ер. 46.
2 400
стр 509

Многи доброты относятся ко сну и не доброты это скорее
сказать нам еще доказать, что это совершенно невозможно,
даже, ничто не помогает. (Многи доброты разум и
доброты души - и так, сколько нам не, "добротам"
все совершенно. Ну, на том основании и в первом и во
втором случае "доброе"! и и наоборот. Сказав доброту
в государственном основании и наоборот! и и наоборот
и на том же основании доброе - основанное
важно основанное. Даже Сократ, изобразив разум
и разум - организмом и "человек" разум.

[illegible]

спити приїжди він чого ти дурого. (спити приїжди
 цього, він теровані осушених боля, безотради
 вбодовицати. й, стало бачи, інші негодити єсть,
 куди не вбодити о расири і мериу до гроно и
 зрані, а отам оудас він єсть бачи. Отсюда ле
 moi est laissable — всь сина сони Аленарі кан-
 піваліть по мону, інші варами не адз ін-
 неовнеріє и пренуване є. Ад мериу мериу —
 жонь рон мериу неовнеріє и ачери, и на-
 греси Агони, жонь Агони і Гроно.

~ ~

Le moi est laissable. Намери, и пренуване
 приїждити бачи: ачери неовнеріє, но ронь мериу
 мериу, він єсть laissable? Ронь иа приїждити бачи
 мериу мериу, но неовнеріє. Куди ронь прену-
 вати мериу и мериу мериу мериу. Бачи єсть
 єсть приїждити мериу мериу — а він бачи filius dilecti-
 simi. и самопреніє и ачери мериу мериу
 мериу. Бачи бачи бачи — мериу мериу: и
 мериу и мериу, мериу мериу єсть єсть мериу мериу.

~ ~

Редакційною комісією, сформованою на найбачи-
 вачи мериу мериу, мериу мериу и Post-Regal и
 мериу мериу мериу мериу и мериу мериу мериу мериу.

Универсальное
воображение гений. Мысль и мысль
свободна, но ее стискивают, но в высшей степени и
во самое откровенное и честное, гласе и в высшей
мечте. Огощение в высшей гласе в высшей
в высшей? Мы должны быть в высшей! В высшей
в "гласе" - это высший инстинкт
и в высшей гласе. Если в высшей в высшей
в высшей гласе в высшей в высшей - высшей
в высшей, в высшей высшей в высшей, высшей
Semper, ubique et ab omnibus creditum est. И
раз - в высшей, мы знаем, что в высшей
и высшей высшей в высшей высшей высшей,
мы и высшей. Высшей высшей высшей - высшей,
но высшей высшей высшей, высшей - высшей высшей:
высшей высшей высшей высшей высшей высшей
мы, что в высшей высшей высшей, мы знаем
высшей высшей высшей высшей высшей высшей
высшей, что высшей высшей высшей. Высшей высшей
мы, что высшей высшей высшей высшей высшей
высшей высшей, высшей высшей высшей высшей
высшей высшей. Мы высшей высшей и высшей,
высшей высшей, высшей высшей высшей высшей
и высшей высшей, высшей высшей высшей, но
высшей и высшей высшей высшей высшей высшей

Знают от каковых итъ и чинъ, родныхъ гусей
„Сиренъ горла речей“ возмущаетъ насъ — а
дочитъ: слово, поучилъ дорожить не своимъ
мнѣніемъ, кому бы все же, все же или все же
всего, а тогда и мнѣніемъ, которое тѣмъ самъ на
мнѣ чуждому. „Сиренъ речей“ можетъ только
гордой чуждому и наоборотъ — возмущаетъ ее естественный
показатель речей.

Взвѣдъ Н. Т., 193 (примеч.) Не „разумъ“ какой-то
убѣждаетъ насъ — мнѣніе же нѣтъ разума, какъ
нечто верное, не отъ суда — а не расторгнуто все слово
примечаніе. Примечаніе же мнѣніе не мнѣніе и мнѣніе во
всѣхъ — и мнѣніе речей. возмущаетъ гусей *fidem*
implicita

~ ~

Примечаніе. Примечаніе в и мнѣніе по доброй воле
и мнѣніе. Примечаніе же мнѣніе, мнѣніе в мнѣніе
мнѣніе, в крайности мнѣніе словесно
и мнѣніе. Скорая мнѣніе мнѣніе, мнѣніе „Сиренъ
мнѣніе мнѣніе и, мнѣніе в мнѣніе. Примечаніе же мнѣніе
сиренъ мнѣніе, мнѣніе мнѣніе, мнѣніе мнѣніе
примечаніе же мнѣніе, мнѣніе мнѣніе.

~ ~

Примечаніе. Примечаніе в мнѣніе по доброй воле

времени" — и все средства для доброй порочки
 Il faut s'arrêter — если уже не поздно. И что,
 первое попавшееся 1490 — 1490 ссрине moue
 рождается.

Аматор. тоиковани Тради. Всп, что ам. мов
 Кововъ Традию просто мажусе е и приорами
 вил и все такт лаж, прав не сугаду бору в мв
 на ноги обложив.

Начинаю думать всего уперла да то, что все мост сема
 отговори ссрине добровольно игоде в мосту своей агро
 Еуагоду (мове perditionis), и уперла доброй всем бору
 Желая. Мотю, в мв «послушном» мв гиль обложив, мов.
 Мотю в мотю «бору мотю мотю» — все всегда мотю
 perditionis уперла в мотю мотю, на мотю мотю
 рожать процесс.

Нужно «думать» — а не «развлекать», то есть
 не «развлекать»; а не думать. И мотю мотю, то
 настоящему думать, когда мотю мотю, развлекать.
 Уперла: «не развлекать» мотю не мотю мотю в
 саму мотю, мотю мотю, мотю мотю да, мотю в мотю,
 «развлекать». Но «развлекать» у мотю мотю мотю
 и мотю мотю «думать»

А.П. стр.

«Если мои письма (provia) оубеда в Радет, мотю

Духовн. II. 440
 премия

imo in hoc huius occidit, occidit quia in hoc
 ad tuum, domine Iesu, tribu a te appello.

о смерти сн. 126, II. m.

„Secunda de peccatis tuis fieri non debet“ (Loot
 452 sp.)

II. 260. „Съ дуга, ниско ентъ робу и вострапу
 ену дуги“ глумъ ласка - то, в нр, ба сина дуга
 въ нѣмъ, то ка ено ласка робу. Суми е - и аобо
 чѣстнѣ нр нр - дръе не аобо дуга ба
 робу - то ено дуга нр. Дрнор коннор

Боротвса съ неодолимостю! ман дуга нр
 нр невосможна ко нр боротвса со
 своимъ стротнмъ и ченаннмъ. Становатъ: нр
 покори нр закону и чнчнчнч нр „а“
 нр нр нр нр нр нр.

Ego viz videns ~ paupertatem meam (II, 167)
 „дуга не нр нр и нр нр нр нр нр нр
 нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр (II, 177)
 нр - а нр нр: нр нр нр нр нр нр нр
 нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр

У Карллина кн. III. ео. I. нр. 141, II и III

Gratia - въ нр нр нр нр нр нр нр нр
 нр. Съ „gratia“ въ нр нр нр нр нр нр
 нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр нр

Choragne infecti

Ул. 225

„Въ моментъ моей смерти и отчаянности смерти
моя, а буду умираю и въ восторгъ, охвачу
иногда (yóras eis yóras)

УТ. 30

„Ты меня любишь, какъ умираю и въ этотъ моментъ
и умираю своей любовью

У. 6

не буду тебе писать и благодарности и признания, /всего/

У. 120

могу и забыть прощенье, Ах, какъ жаль, какъ

и не могу забыть прощенье, Ах, какъ жаль, какъ
и не могу забыть прощенье, Ах, какъ жаль, какъ
и не могу забыть прощенье, Ах, какъ жаль, какъ

У. 124

„Знаешь, не могу быть въ восторгъ, не могу
набраться, не могу быть въ восторгъ, не могу
набраться, не могу быть въ восторгъ, не могу

и не могу быть въ восторгъ, не могу
набраться, не могу быть въ восторгъ, не могу
набраться, не могу быть въ восторгъ, не могу

Chercher en géométrie — „методология“ некая иль-
соба иль-соба иль-соба

У. 141

„Enchantement“ „surprise“

Знаешь, не могу, и восторгъ и восторгъ, не могу,
а восторгъ. И, если восторгъ не могу, то восторгъ
и восторгъ, и восторгъ, и восторгъ, и восторгъ
и восторгъ, и восторгъ, и восторгъ, и восторгъ

II. 5; 52.

II 50.

11.52

II. 61

11 62

78

84

89

89

95

f DA.

105, 110,
(2, 55 u 56)

100g

Много, много благодарю о добром даре.

1) CXIII - а в не де Р. 2) XCIV, 3) XLVIII 4) LXI

I CXXXII

Montarg, un douc et mol' cheret.

I LXII

I, 25

"Je n'approuve quicqu'un qui cherche en gémissant
mon mal, tout le monde n'est pas sage - et souvent,
cela n'est pas même nécessaire."

I 30.

Большое дело удачи и неудачи, чем все люди и
удачливее всех людей.

I 35.

Горюху расхит, иже по Ритероу светилу

I 38

Горюха (прелесть), которая и счастливее таланта
одну сторону рвет. Горюха - по своей стороне, и
по той стороне нежен.

1.43

Пророг так же обманывает и сама и
подгоняет своих правителей.

49.

Разблуженный нудно пахит, тороп и думает
о наименьшем удобном повороте.

54.

Люди не могут подготовиться к смерти и к концу
они не живут.

55.

Люди в злости и злости и в нас и других
и охоту своей жизни.

73

Запутана середина и посредственность

75.

Мало кто говорит с умом о счастье
и о счастье и о счастье

76.

Le mal est d'ailleurs... Сей

Humilier tous, voir un impuissant

83/84 Косо Леопольд

1001. Многие из углублений в горах, ... и в горах есть
самые старые пещеры

106. Это пещеры, которые своими глубинами не походят
на, как другие по глубинам и на высоте

113. Эти пещеры, раскопанные в горах, ...

115. Другая пещера не совсем раскопана, как
указано, в ...

119. Пещеры в долине горы, в ...

121. Пещеры в долине / горы ...

137a. Пещеры в долине горы, ...

139. Эти пещеры, раскопанные в горах, ...

141/142. C'est un échantillon incompréhensible, absolument
surnaturel. ...

Пещеры в долине горы, ...

155. Quand un homme serait persuadé, que les proportions
des nombres sont des vérités immatérielles, éternelles et
dépendantes d'un premier vérité qu'on appelle Dieu
je ne le trouverai pas beaucoup avancé pour
son salut

178

J'entre en effroi. Je ne puis m'arrêter
et j'admire comment on n'entre point en de'spor
d'un si misérable état.

188

Le péché original est folie des sens. Les hommes
mais on le donne pour tel. J'ai donné la
religion pour être sans raison.

189

Incompréhensible.

213

Je ne puis enlever. Je ne puis enlever.

роговаты

Много еще и до нас в наших суждениях о нравственности
морали проистекает от того, что мы не видим,
что происходит в душе морального человека
Видно, что в душе есть что-то, что может быть
быть безразлично к добру и злу, и к добру и злу
оттого, что в душе есть что-то, что не может, и
что суждения о нем не суждения, что все это для
него идеал, как у нас есть. Но мы заб-
луждаем. Видно суждения, как и все, что, и что
„добра“ там, как все. Но противоречия, что все
все равно. Много при этом есть много, и
чтобы было, и не было, и то что
всего, и противоречия и то и то
что противоречия много, что, что, что, что
всего, и противоречия, суждений и суждений
Неправильно решить.

Это матр. Истина (Истини и Онтологий)

Рациональное и пострациональное и трансцендентное

Разумъ не вноситъ : ego cogito. Онъ не вноситъ
его и сразу превращаетъ ego в eo и въ то со-
стояние ума : и говоритъ ego cogitat.